«АВДЕЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ»
ЛИТО «ВОЛГА» СОРМОВО

Издание осуществлено при поддержке
Генерального директора
АО «Завод «Красное Сормово»
Николая Сергеевича Жаркова,
МБУК «Государственный ордена Почёта
музей А.М. Горького»
и музея истории
завода «Красное Сормово»

ВИКТОР АВДЕЕВ

Я ПОТОМОК РАБОЧИХ, ИЗ СОРМОВА…

Стихи и поэмы

Нижний Новгород
2016

ББК 84 (2Рос-Рус) 6
А-18

Авдеев Виктор
Я потомок рабочих, из Сормова. Стихи и поэмы. – Нижний Новгород, 2016. – 300 с.

Стихотворный сборник «Я потомок рабочих, из Сормова…» – третья книга известного нижегородского поэта Виктора Авдеева.

Виктор Иванович Авдеев (1923 – 1955) родился, жил, учился и работал в Сормовском районе Нижнего Новгорода. Участник Великой Отечественной войны. Окончил Литературный институт им. А.М. Горького при Союзе Советских Писателей СССР. В родном городе вышли две его книги: «Волжские зори» (1953) и, посмертно, «Капля мёду» (1959).

В сборник «Я потомок рабочих, из Сормова…» вошли стихотворные произведения из первых двух книг Виктора Авдеева, стихи и поэмы автора, опубликованные в газетах и альманахах, а также предоставленные его племянником Николаем Георгиевичем Гореловым и МБУК «Государственный ордена Почёта музей А.М. Горького».

Составители сборника сердечно благодарят Н.Г. Горелова, сотрудников музея за предоставленные материалы и фотодокументы, администрацию АО «Завод «Красное Сормово» и лично Генерального директора Н.С. Жаркова – за моральную и финансовую помощь, оказанную в издании книги.

Эта книга – дань памяти светлому таланту «самого сормовского» поэта Виктора Авдеева от благодарных сормовичей.

Стихи и фотодокументы, помеченные эмблемой, предоставлены МБУК «Государственный ордена Почёта музей А.М. Горького». С разрешения музея данные тексты были подвергнуты незначительной корректуре, не искажающей идейно-художественного замысла автора.

САМЫЙ СОРМОВСКИЙ ПОЭТ

Слово о Викторе Авдееве

Поэтом какого-либо города, района или местности может считаться тот, кто там родился, кто там жил и работал, и кто писал стихи об этой местности. Поэтому круг сормовских поэтов очень широк – от Максима Горького, в детстве жившего здесь с матерью и отчимом, до нынешних членов Сормовского литературного объединения «Волга».

В Сормове родились Александр Зарубин, Виктор Авдеев, Виктор Кулагин. Работали на Сормовских заводах Пётр Заломов, Александр Белозёров, Нил Бирюков, Семён Тихий, Александр Люкин. Наставниками сормовских поэтов в разное время были Николай Кочин, Борис Пильник, Фёдор Жиженков, Лазарь Шерешевский, Александр Фигарев. Стихи о Сормове и сормовичах писали Борис Корнилов, Михаил Тимонин и многие другие.

В последнее время слава главного сормовского поэта прочно закрепилась за Александром Люкиным, которого, кстати, считают «своим» и в Московском районе Нижнего Новгорода, и в Княги-

нинском районе Нижегородской области, где, как и у нас в Сормове, проводятся ежегодные праздники люкинской поэзии. Люкин родился в селе Шишковердь Княгининского района, жил на территории нынешнего Московского района. Я большой поклонник творчества Александра Ивановича, но самым сормовским поэтом считаю незаслуженно забытого Виктора Ивановича Авдеева. При жизни у Люкина вышло четыре сборника стихов и добрый десяток после смерти. Последнее – большая заслуга княгининской администрации и Анатолия Евгеньевича Шамина, бывшего главы района, а ныне ректора Нижегородского государственного инженерно-экономического университета (г. Княгинино).

У Авдеева одна прижизненная и одна посмертная книжка. А в чём причина? Люкина успели принять в Союз писателей, а Авдеева – нет! Люкин прожил сорок девять лет, Авдеев – тридцать два года. В 1949 году тридцатилетний Люкин напечатал первые стихи в заводской многотиражке. В этот же год в «Волжском альманахе» была напечатана поэма двадцатишестилетнего Виктора Авдеева «Сормовичи», которую он посвятил столетию завода «Красное Сормово». Это единственная в нашей литературе поэма о Сормове и сормовичах.

В ней мы видим сормовичей военных и послевоенных лет. Сормовичей всех поколений. Сормо-

вичей разных профессий и должностей – от простого рабочего до директора завода. Но всех их – и боевых фронтовиков, и тружеников тыла, и ветеранов, и молодёжь – объединяет самоотверженность в труде и в бою, честность и порядочность, любовь к Великой и малой родине, к своему заводу. Эта поэма во многом автобиографична. Кроме этого у Авдеева много стихов, посвящённых родному Сормову и землякам.

Я прочитал все стихи Александра Люкина. Слова – «Сормово, сормовский, сормович» – там не встречаются ни разу. В поэзии Люкина – труженики безымянного завода, жители безымянного посёлка. Деревенское детство, жизнь земляков-княгининцев в творчестве поэта представлены во всех красках и с названиями деревень.

Виктор Авдеев за свою короткую тридцатидвухлетнюю жизнь смог написать о Сормове и сормовичах больше всех остальных сормовских поэтов.

Я часто думаю: какой большой поэт мог бы получиться из Виктора Авдеева, поживи он подольше. В нижегородских газетах ведущие наши поэты Пильник, Шестериков и другие писали о том, что Виктор Авдеев перерос рамки повседневных консультаций и литературных семинаров и вступает в большую литературу, в настоящее общение с читателем. Но сейчас память о нем хранят только немногочисленные оставшиеся в живых друзья и

родственники. И я очень сожалею, что не успел поговорить о нём с его друзьями, нижегородскими поэтами Фёдором Суховым, Владимиром Половинкиным и Виктором Кулагиным. Дружил он и с Александром Люкиным.

Гуляя по Верхневолжской набережной и Откосу, я пытаюсь угадать, какие деревья посадил он лично:

Нам глаза застилала дождливая осень,
Мы сажали деревья на Волжском откосе.

Каждый раз, бывая на Старосормовском кладбище, я пытался найти его могилу, но поиски были безрезультатны. И вот весной прошлого года мне позвонила член нашей литгруппы Маргарита Финюкова и сообщила, что она нашла могилу поэта. Думаю, теперь могила Авдеева станет местом паломничества для членов сормовского литобъединения «Волга» – таким же, как и могила Александра Люкина на Высоковском кладбище…

Виктор Иванович Авдеев родился в *городе Сормово* Нижегородской губернии в 1923 году. Именно такую запись о рождении поэта мы увидели в районном отделе ЗАГС. Мало кто из сормовских поэтов может похвастать таким местом рождения. Ведь город Сормово просуществовал всего 6 лет (с 1922 по 1928 год). Здесь Авдеев учился в школе, играл в футбол, много читал, посещал литературный кружок при Дворце пионеров, которым руководил Павел Петрович Штатнов. В 1940

году вышел в свет поэтический сборник «Слово горьковских внучат», где были напечатаны стихи юных стихотворцев-горьковчан. Ученик девятого класса Виктор Авдеев, как один из победителей областного конкурса, был представлен в нём тремя стихотворениями. Он был удостоен третьей премии II Всероссийского конкурса детского и юношеского творчества «Наша Родина» и получил грамоту, подписанную самим Корнеем Чуковским.

Через год, прямо со школьной скамьи восемнадцатилетним парнем Виктор ушёл на фронт. Прошёл путь от Москвы до Берлина. Домой вернулся в звании гвардии капитана, удостоенный трёх орденов и шести медалей.

Напечатанные в 1949 году в «Волжском альманахе» поэма Виктора Авдеева «Сормовичи» и подборка стихов «Поездка в Болдино» были началом признания его, как поэта. В 1951 году Авдеев вместе с Михаилом Тимониным и Александром Плотниковым опубликовал в сборнике «О самом дорогом» большую подборку стихов. А в 1953 году в Горьковском книжном издательстве вышла его первая книга «Волжские зори».

Виктор Иванович Авдеев не был лишён чувства юмора. Вместе с Фёдором Суховым и Владимиром Половинкиным писал сатирические, юмористические и иронические стихи под общим псевдонимом «Владифектор Полсухеев». Как расска-

зывал мне В.В. Половинкин, был у них цикл шуток, где главными героями были «три ответственных лица» и каждое четверостишье заканчивалось этими словами. Но, к сожалению, Авдеев, по всей вероятности, не считал эти опусы серьёзным делом. И поэтому в его архиве юмористические стихи не сохранились.

Из-под пера поэта выходят всё новые и новые стихи, о которых заговорили не только в нашем городе, но и по всей России.

А как он работал над словом! Стихи «Дума о Волге» (из газетной публикации) и «Когда я был на Волго-Доне» (из книги), по смыслу, практически, об одном и том же. Но первое растянуто, а во втором всё выверено и отточено. Видна рука мастера.

В 1952 году Виктор Авдеев окончил Литературный институт им. А.М. Горького при Союзе Советских Писателей СССР. Вместе с Авдеевым учились известные поэты Михаил Шевченко, Кирилл Ковальджи, Юлия Друнина, Николай Старшинов и земляк Фёдор Сухов, который откликнулся на его смерть стихотворением «Памяти поэта Виктора Авдеева». Дипломную работу – поэму «Двадцатый этаж» и одиннадцать стихотворений – Авдеев защитил на «отлично».

Но 21 января 1955 года Виктора Ивановича Авдеева не стало.

В 1959 году вышла его вторая – посмертная – книга «Капля мёду» с предисловием Михаила Шестерикова.

Поэты Сормова помнят и чтут своих предшественников. Через много лет самобытный стихотворец возвращается к читателям с новой книгой. Этот сборник – дань памяти таланту самого сормовского поэта Виктора Ивановича Авдеева от благодарных сормовичей. Думается, это будет хороший подарок любителям поэзии не только Сормова и Нижнего Новгорода, но и всей России.

Николай СИМОНОВ,
член Союза писателей России,
руководитель Сормовского
литературного объединения «Волга»

Мне восемнадцать было под Москвой...

МОЁ СОВЕРШЕННОЛЕТИЕ

Мне восемнадцать было под Москвой…
Сухих ветвей обугленные плети
Болтались на ветру. И всё на свете
Казалось брошено вниз головой.
Был чёрен снег. Враг прямо в сердце метил,
Но я, и оглушённым, был живой…
Так начиналось совершеннолетье.
Мне восемнадцать было под Москвой.

В разгаре девятнадцатой весны –
Судьба России, камни Сталинграда.
Могли ли отступить мы, если рядом
Тела однополчан погребены?
Не знали мы, что город был закатом
Фашистских орд, закатом всей войны…
Я жить хотел – и верным был солдатом
В разгаре девятнадцатой весны.

Двадцатилетье. Курская дуга –
Как радуга из подвигов и славы.
Налево Курск, Орёл в дыму направо,
Здесь враг впервые «тиграми» пугал.
Прибита рожь к земле дождём кровавым,
Свинцовый дым распластан на лугах.
Не знаю, есть ли в мире крепче сплавы –
Двадцатилетье, Курская дуга.

Приказы Сталина. Ищите в них
Мой первый год из третьего десятка.
Ветрами раздувало плащ-палатку,
Встал вновь на место пограничный штык,
Как сто пудов – сапёрная лопатка.
Приказы Родины – вот мой дневник!
Хотите, назову их по порядку?
Они дороже мне настольных книг.

Мне было под Берлином двадцать два.
Победой шелестели дни апреля,
В последний раз под лезвием шрапнели
Подрезанная падала листва,
Брели понуро немцы по панели,
Приподнялась над бруствером трава,
И мы к параду чистили шинели…
Мне было под Берлином двадцать два.

ДВЕ МОГИЛЫ

Везде, где ни шла война, –
Могил без конца и края.
Но есть под Орлом одна,
Под Франкфуртом есть другая…

Пришёл на Оку солдат
В густой паутине свастик.
Свисал с груди автомат,
Как символ проклятой власти.
Солдат увидал бойца
На фото в армейском шлеме –
И сына его, мальца,
Ударил прикладом в темя.
Но пуля мести нашла
Незваного, злого гостя,
И мстителями села
Он был зарыт на погосте…

Пришёл на Одер солдат
В сиянии звёзд лучистых.
Дрожал в руке автомат,
Безжалостен и неистов.
По улице – напрямик.
И вдруг в орудийном громе
Послышался чей-то крик
Солдату в горящем доме.

Из пламени вынес он
Мальчонку, спеша в атаку.
И женщина: «Данке шён!» –
Сказала ему, заплакав.

Солдат побежал вперёд.
От взрывов стучали ставни.
И, скошенный, – у ворот
Он камнем упал на камни.
Спасённого сына мать
В саду его схоронила.
Цветами опять и опять
Приходит она украшать
Его святую могилу.

Жестокой была война:
Могил без конца и края.
Но есть под Орлом одна,
Под Франкфуртом есть другая…

ГАРБАРЫ*

Костёлами к звёздам
Взметнулись пожары.
Раздвоена Познань
Дорогой Гарбары.
Мы смотрим на карту
Вторую неделю:
Нам надо на Варту
Пройти – к Цитадели.
Пройти половину
Бульваров и улиц,
Но фыркают мины,
Трассируют пули.
Во мраке зловеще,
Как огненной плёткой,
Орудия хлещут
Прямою наводкой.
Они б не прижали
Гвардейскую роту,
Да смертник в подвале
Засел с пулемётом.
Лёг демоном смерти:
Поди, подступись-ка!
Но время – не терпит,
В бою не без риска.

---

*Гарбары – название улицы в Познани

Я наземь бросаюсь
В февральскую слякоть
И вдруг замечаю
Парнишку-поляка.
Измазан, разгневан,
Но видно – хороший.
– Ах, пане, – ко мне он
Бросается. – Прошу!
И тянет куда-то
В дыру, в подземелье,
Куда и раскаты
Доносятся еле.
Иду, нагибаясь,
В воде по колено,
Во мраке шатаясь
От запахов тлена.
А хлопец живучий
Ведёт – и ни слова.
Оружье на случай
К работе готово.
Вода под ногами
Внезапно пропала.
И вот перед нами
Площадка подвала.
Вокруг пулемёта
Надёжная насыпь.
Собакою кто-то
Посаженный на цепь,
Лежит и стреляет,

Надвинув пилотку…
И хлопец хватает
Фашиста за глотку.
Хватаем и душим.
Становится тихо.
– Товарищ, послушай,
Как звать тебя?
– Риху.
И в это мгновенье
Из-за поворота
Пошла в наступленье
Гвардейская рота.

Но честь наших армий –
Не в этой минуте.
Мы встретились с парнем
В одном институте.
Обняли друг друга
Мы в нашей столице,
Куда он наукам
Приехал учиться.
Под солнечным небом,
Под крышей одною,
Мы делимся хлебом,
Бумагой, мечтою.
Друг другу окажем
Услугу какую:
– Спасибо! – он скажет,
Я молвлю:

– Дзенкую!
Уйдём мы на ужин –
Откиньте подушки:
По-прежнему дружат
Мицкевич и Пушкин.
Но наше согласье
На зависть обоим:
И в дружбе, и в счастье
До нас далеко им!..

ПОБЕДА

Когда пожар на горизонте гас,
Не раз в землянке тихими часами
«Мы возвратимся, только ждите нас», –
Писали мы, порой не веря сами.

Была дорога наша далека,
И, наконец, открылась гордым взглядам
Притихшая немецкая река,
Которую форсировать не надо.

И мы не знали, где передний край,
Как будто он пошёл ко дну речному…
К нам донеслось игривое «Ол райт!»
Но грянуло «Ура!» – подобно грому.

Мы верили в величье тех минут.
И мы уснули без тревог впервые,
И снился нам счастливый мирный труд
По нас истосковавшейся России.

* * *

На коже стёршихся сапог,
Видавших степь, асфальт, окопы,
Перешагнув родной порог,
Внесли домой мы пыль Европы,
И, не снимая тех сапог,
Мы вышли в путь большой и трудный…
На пыль прославленных дорог
Ложится пыль рабочих будней.

* * *

Мать подоила корову,
Сыну ведро отдала.
Речка. Дорога. И снова –
Крайние окна села.
Полдень. Хозяева в поле.
Тихо у каждой избы.
Свиньи, не чувствуя боли,
Чешут бока о столбы.

ВЕЧЕРНЯЯ ПОВЕРКА

Помню: поверка. И мы старшине:
– Я! – отвечали в немой тишине.
Жидкий пушок был на месте усов,
И в голосах – нарочитость басов.
Словно стыдясь быть таким молодым,
Каждый стремился в сражение, в дым,
И отвечая любимой своей,
Каждый слова выбирал погрубей…

Годы прошли, как волна за волной,
Юность моя прошумела войной.
Снова поверки торжественный час.
Кто же теперь отзовётся за вас?
Где вы, соратники? Где вы, друзья?
Где ты, беспечная юность моя?
«Пали за счастье, за тихий рассвет», –
Сердце моё простучало в ответ.

ВОСПОМИНАНИЕ

Всё больше подробностей забываю,
Но часто мне видится – осень, грязь,
Разбитая станция Узловая
И почта, налаживающая связь.
На почте накурено, оживлённо.
У столиков, выбрав десяток слов, –
Солдаты из нашего эшелона.
На бланках – названия городов.
И я тоже, очередь уважая,
Стою с телеграммой, как с птицей в руке,
И мчусь, эту птицу опережая,
В мой город на Волге и на Оке.
Мой дом вырастает передо мною,
В котором родился я, жил и рос.
Над домом – торжественное
Перешёптывание берёз.
А в доме, присев к подоконнику, мама
Носки мне вяжет, весточки ждёт…
Я перечитываю телеграмму
И продвигаюсь на шаг вперёд.
Но как далеко до окна! Народу –
Полвзвода. А девушка за окном,
Мне мнится, едва через пень-колоду
Производит приём.
Начищены ногти, в помаде губы,
Вот-вот зазвенят завитки волос.
«У, чёртова кукла!» – думаю грубо.

И вдруг! – аж сердце оборвалось –
Гудок паровоза, призывный, страшный,
Зовёт по вагонам. Я не могу,
Я яростно комкаю бланк телеграфный,
Кидаю в приёмщицу и – бегу…
А через полмесяца пишет мама:
«Здравствуй, здравствуй, мой дорогой!
Спасибо, родимый, за телеграмму,
Что дал нам со станции Узловой»…

ЗВЁЗДЫ

Малышом сквозь стёкла окон,
Беззаботен, глуп отчасти,
В небе сказочно далёком
Всё искал я звёзды счастья.

Со звездой стальную каску
Люди днями и ночами,
Словно сбывшуюся сказку,
За границею встречали.

Выпал нам на долю жребий –
Сделать жизнь людей светлее.
Не ищу я звёзд на небе:
Звёзды вижу на земле я.

ДВАДЦАТИЛЕТНИМ

Вставало солнце, и по знаку,
С винтовкою наперевес,
Шёл под Царицыным в атаку
Солдат, суровый мой отец.

Потом и нам война на плечи
Легла полосками погон,
И нас на фронт, врагу навстречу
Повёз солдатский эшелон.

Жизнь движется вперёд и в гору,
И вот живёт сынишка мой,
Ему пока ещё не впору
Шинель и шапка со звездой.

Но видит вся страна родная,
Как охраняя мирный труд,
Чеканя шаг и строй равняя,
Двадцатилетние идут.

В ЦЕХЕ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ

Цех. Заданье. Дым от самокрутки.
Третья ночь. Всё гарь, и блеск, и гул.
Боком в межстаночном промежутке
Я присел на ящик и заснул.

Мне приснилось: друг со мною рядом
Поднял руку, вытянул ладонь –
И к земле (что значило – «огонь!»),
Но у пушки не было снарядов.

А врагов клеймёная броня
Шла и шла… Но друг стоял на совесть.
Лишь немного упрекнул меня,
К рукопашной схватке приготовясь…

И проснулся я. Вся кровь – в висках,
И усталость показалась шуткой.
Сколько спал? Не знаю. Но в руках
Всё ещё дымилась самокрутка.

* * *

Не думал парень стать героем…
Не только до, но и в войну.
Он всё мечтал плотины строить
На Волге или на Дону.

Упал он на пшеничном поле,
Сражённый пулей наповал.
Он десять лет учился в школе
И меньше года воевал.

Ему не жить при коммунизме,
Хотя в атаке огневой
Ни сил, ни крови и ни жизни
Не пожалел он для него.

И в поле мятом, колосистом
Он пал в атаке огневой
С великой верой коммуниста
В бессмертье партии родной.

ПОДНЯВ ПОБЕДНЫЕ ЗНАМЁНА

Да, мы победу взяли с бою,
Вернулись в отчий дом!
А нынче – небо голубое.
И музыка кругом.

Какое счастье, если знаешь,
Что снова довелось
Шагать, к земле не прижимаясь,
А в полный рост!

И так единою колонной
Шагает вся земля,
Подняв победные знамёна
К стенам Кремля!

* * *

Победой не окуплены потери –
Победой лишь оправданы они…
И вот опять стучусь я в эти двери,
Где старики который год одни.

О, возврати им, всемогущий Боже,
Последний смех и первую слезу!
…Но Бога нет, и все разлуки схожи,
И в доме тихо, как зимой в лесу.

Как в том лесу, где мы в ту зиму злую
Их сына хоронили всем полком.
Вновь за обедом стул его пустует,
И фото – в чёрной рамке под стеклом.

Она опять покрыта свежим лаком:
Им в жизни больше нечем дорожить.
…Вчера я, уходя от них, заплакал.
Но даже плакать, это значит – жить…

НА ПЛАЦДАРМЕ

Шестую ночь бойцы равняют с годом,
Ведь за ночь было шесть атак подряд.
Шестая часть осталась ото взвода,
За командира стал шестой солдат.
А взрывов царскосельские фонтаны
Нет-нет, да и взметнутся над землёй,
И Днепр клокочет, точно кровь из раны,
В полметре под обрывом, за спиной.
Враг скоро вновь потянется к обрыву,
Втирая в землю, сбрасывая прочь…
Перед седьмым рассветом люди живы,
Они шестую выстояли ночь.
«Эх, закурить бы! За одну затяжку
Полжизни б отдал…» – замечтал солдат.
Другой ему: «Ты это, как ни тяжко,
Мог предлагать лишь десять лет назад».
«Кто будет жив – исполните, ребята, –
Чтоб помнил сын, барахтаясь в реке,
Что я её форсировал когда-то», –
Вздохнул усач с лимонкою в руке.
И командир, голодный и сердитый,
Поднялся, оглядел родных ребят:
«Эх, жалко, братцы, рация разбита,
А то огонь бы вызвал на себя».
Едва он смолк – разрыв… и красным маком
Кровь зацвела на молодой груди…
Вставало солнце, как солдат в атаку,
Команду принял новый командир.

ДРУГУ

Тихо в блиндаже. Умолкли шутки.
Спят усталым сном мои друзья.
Как обычно, прочь уходят сутки
Равномерным шагом патруля.
Задрожал блиндаж: упало где-то…
Гуд в трубе, нагретой докрасна.
Тишина. Но знаешь сам, поэтам
В эту пору вечно не до сна.
Жар весны растёт меж днями марта,
Жизнь зовёт, но завтра снова бой…
А давно ль сидели мы за партой,
Думая о будущем с тобой?
Всё пройдёт: и горе, и ненастье.
Не случится ничего со мной:
До сих пор звалось солдатским счастьем,
А вернусь и назову судьбой…
Ночь идёт походкой тихой, лисьей,
Мелкой вьюгой заметая путь.
Не сердись на краткость моих писем –
Напишу побольше как-нибудь…

ДЕВУШКА С ЦВЕТАМИ

Вы не встречали девушку с цветами?
Сознайтесь, нет? А если бы пришлось,
Вы знали бы, что утром под лучами
Сверкает не роса, а капли слёз.

Вы не слыхали девушку с цветами?
Тогда молчите: весь бы мир оглох,
Когда б она дрожащими губами
Едва рождённый не душила вздох.

И вам не снилась девушка с цветами –
Большого чувства ранняя вдова?
Цветы, цветы! Они свежи, как память,
Они свежи, пока она жива.

Она бредёт и шепчет: «Милый, милый!
Смотри – вокруг такое торжество!» –
Кладёт цветы и над чужой могилой
Оплакивает друга своего…

* * *

Солдат пять раз ходил в штыки,
Своими силами и кровью
Низовья солнечной Оки
Он отстоял в ее верховьях.

В атаке раненный в живот,
Он рожь примял, облитый потом,
И вспомнил дом, семью, завод,
Друзей, с которыми работал.

Лежал он, солнцем опалён,
И рвал он ставший тесным ворот.
…Палата. Госпиталь. И он
Припомнил вновь холмистый город.
Всё заживает на живом!..

Волжские зори

ВОЛГА

Пусть с глупых лет я помню радость эту –
И ширь, и гладь, и зов речной волны.
Меня и через двадцать пятилеток
Взволнует прелесть вечной новизны.
Заря в рассвет врывается с востока,
И солнечные острые лучи
Поломаны, как хрупкие мечи,
Едва в неё вонзаются с наскока.
Лениво к устью тянется верховье,
Река, как зеркало, глаза слепит.
И облаков крылатые становья
Кочуют в небе – в голубой степи.
Но есть другая Волга. Та чудесней,
Чем самая высокая мечта.
Течёт, как незаписанная песня,
От сёл и к сёлам, как из уст в уста,
Она без слов. Но Волге слов не надо.
И всё-таки её нельзя не петь.
Гудит над ней времён литая медь
От Городца до строек Сталинграда.
Не спят над чертежами инженеры,
Рабочих будит трудовой гудок.
И время по сердцам-секундомерам
Встаёт на старт и делает рывок.

ВОЛЖСКИЕ ЗОРИ

Я вырос на Волге, мне Волга была
Роднее моей колыбели.
Река меня на руки нежно брала,
Гудки колыбельную пели.
Взлетали, как чайки, года надо мной,
Стремлениям юности вторя.
И стали моей лучезарной судьбой
Весенние волжские зори.

Кто вырос на Волге, под силу тому
Форсировать Вислу и Шпрее.
Ветрами атак мы врывались во тьму,
Вгрызались во тьму батареи.
На Запад от Волги, от нашей земли,
Не знающей мрака и горя,
Бойцы по полям на штыках пронесли
Крылатые волжские зори.

Я вырос на Волге, мне Волга была
Роднее моей колыбели.
Вернулся – и улица стала мала,
И Волга: всё мели да мели.
Мы стали большими –
быть Волге большой!
Она разольётся, как море.
В века от плотин поплывут над землёй
Широкие волжские зори.

* * *

Сколько брошено в Волгу камней!
И она – обмелела бы сразу,
Но она всё полней и полней,
Жаль, что брошенных в Волгу камней –
Разудалых мальчишеских дней –
Не достать никаким водолазам.

Да и если бы можно достать,
Возвратится ль мальчишество снова?
Распрямится ли старая мать?
Да и если бы можно достать,
Всё равно покидал бы опять,
Покидал бы их, честное слово.

И опять бы накинул шинель,
И опять бы примеривал лыжи,
И опять уходил бы в метель.
Ради ватника сбросил шинель,
Чтобы только желанная цель –
Стала Волга Большая к нам ближе.

НАШ ДОМ

Наш домик к реке всех ближе –
Нельзя не сносить его.
Я в этом беды не вижу,
Но матери каково?

Ну был бы колхоз не в славе –
Никто б и жалеть не стал,
Но жизнь-то!..
И вдруг – оставить
Навеки свои места?..

Места, где знакомы вёрсты
До самой дальней версты,
Где смотрят печально звёзды
На дедовские кресты…

Наверно, опять, как в тумане,
Вся жизнь прошла перед ней:
От графского подаянья –
До собственных трудодней.

Ей дорого всё, я верю,
В своём обжитом углу:
От скрипа дубовой двери –
До пятнышка на полу.

Так что я скажу ей, право?..
Дорога. Кусты. Темно
У ног шелестели травы…
Здесь будет морское дно.

К крыльцу привела дорожка,
И всё не решаясь стучать,
Я долго глядел в окошко,
Боясь растревожить мать.

И я не стучался долго…
Я долго смотрел в луга,
Где тихо роптала Волга
На тесные берега.

КОГДА Я БЫЛ НА ВОЛГО-ДОНЕ

Когда я был на Волго-Доне,
Ещё лежала предо мной
Сухая степь, грубей ладони,
И надо мной – калёный зной.

И в этом зное, в этом зное,
Уральской домны горячей,
Вздымалось зарево степное –
Неумолимый суховей.

Но человек навстречу вышел
Владыкой мира и мечты,
И становились выше, выше
Дубков зелёные хребты.

И мощно поднимались краны
И вновь сгибались до земли:
Шагающие великаны,
Вгрызаясь в землю, степью шли.

Как много силы в человеке!
В степи не волны, а валы,
Мы покорили наши реки,
Связали их в гидроузлы.

И мы гордимся: разве мало
Здесь всенародного труда?
Вода проходит по каналу,
И по воде плывут суда.

27 июля 1952 года

Над каналом – радугами арки,
Берега, одетые в бетон.
Сормовской отечественной марки
Теплоход заходит в Волго-Дон.

Широки распахнутые дали,
Вдоль канала – праздничный народ.
Белый теплоход «Иосиф Сталин»
По каналу Ленина идёт.

БАЛЛАДА О ВОЛЖСКОЙ ВОДЕ

Поль Робсон, будучи в Сталинграде,
Взял с собой бутылку волжской воды.

Ещё и поныне не стёрты следы
Там, где зачерпнул он из Волги воды.
Минуя границы, сквозь тысячи вёрст,
Он волжскую воду в Америку вёз.

Служению Мира верна до конца
Железная песня большого певца.
Ты слышишь, окреп Поля Робсона бас!
Он пьёт эту воду глотками сейчас.

Гляди – широка Поля Робсона кость:
Он пьёт эту воду, чтоб легче жилось,
Чтоб силы хватало идти напролом
По белому свету с небелым лицом.

Когда же останется только глоток,
Он выплеснет воду в родимый поток,
Чтоб розни не знали, сроднясь на века,
Река Миссисипи и Волга-река.

ПЕСНЯ ВОЛЖАНКИ

Мимо нашего обрыва
Ходят встречные суда.
Нам помашут торопливо,
Погудят – и кто куда…
Мне бы плыть за ними следом
И в Москву, и на Кавказ.
Но куда же я поеду:
Я на Волге родилась.

В год, когда земля пылала,
Здесь, на правом берегу,
Я не раз переплывала
Под обстрелами реку.
– В тыл тебе бы, непоседа, –
Говорили мне не раз.
Но куда же я поеду:
Я на Волге родилась.

А теперь в местечко наше
Вся съезжается страна,
Здесь ковши друг другу машут
От темна и до темна.
Чтобы Волга стала светом,
Чтоб, как море, разлилась…
Так куда же я поеду? –
Я на Волге родилась!

КАПИТАН

Как голуби мира, две чайки кружат
Над звоном второго причала.
Пожатье друзей и улыбки девчат…
Хорошим должно быть начало!

Отчалил буксир, покачнулся, и вот
Проворный решительный малый
Пригнулся и выкрикнул:
«Полный вперёд!»
И замер левее штурвала.

Фуражка с кокардой и китель на нём,
Широкие чёрные брюки.
Но выдали робость глаза с огоньком
Да слишком подвижные руки.

Гудят пароходы, реку бороздя,
Под выпуклым небом июля.
Откуда-то пущена капля дождя
И влеплена в воду, как пуля.

Тягучий мазут слепо тычется в борт,
Качаются бакены стоя…
Неважно, что парню семнадцатый год:
Он скоро окончит Речное.

Где только ему не бросать якоря,
Ни бурь не боясь, ни туманов!
По Волге великой, по новым морям
Тоскует душа капитана.

Река извивается – «Лево руля!» –
Восторг капитанской осанки.
И слышно – в согласии с башней Кремля
Пробили буксирные склянки.

ПЕСНЯ О ГОРОДЕ ГОРЬКОМ

Куда ни пойдёшь, ни поедешь,
Всё слышится наш говорок,
И шорох машины «Победа»,
И наш пароходный гудок.

Припев: В бронзе Чкалов пристальный,
Голубые пристани,
Дым заводов, солнечный пейзаж,
Эти реки плавные,
Эти башни славные –
Это всё любимый город наш.

У нас знаменитые предки,
Мы чтим дорогих земляков,
Но будни родной пятилетки
Затмили легенды веков.

Припев.

Нам Волга обветрила лица,
Проверила наши слова.
Не раз мы спасали столицу,
И нам благодарна Москва.

Припев: В бронзе Чкалов пристальный,
Голубые пристани,
Дым заводов, солнечный пейзаж,
Эти реки плавные,
Эти башни славные –
Это всё любимый город наш.

ОГНИ РОДНОГО ГОРОДА

В твоих огнях надежды и искания,
В твоих огнях мечты о лучших днях,
И грусть моя, и первое свидание,
И юность, и любовь – в твоих огнях.

Твои огни погасли. И во мраке
Ты был как в маскировочной тени.
Но выйдя из окопов для атаки,
Я рисовал себе твои огни.

Они опять свидетельствами мира
В ночи горят. Их блеск к себе манит…
И это я прошёл в боях полмира,
Чтоб засияли вновь твои огни.

УТРО

Люблю я город на рассвете:
Заря всё выше, всё алей,
Нет-нет тряхнёт игривый ветер
Тугими гривами аллей.

Ещё асфальт не подметали,
Не полил улиц грузовик.
Собор похож на планетарий,
И в роще галок рваный крик.

А над домами в дымке дальней,
Как цапля на одной ноге,
Пока недвижим, кран портальный
Стоит заглавной буквой «Г».

Сном освежившись, люди встанут,
И город к подвигу готов,
Стоит подтянутый, обтянут
Зелёным поясом садов.

НА ВОЛЖСКОМ ОТКОСЕ

Нам глаза застилала дождливая осень,
Мы сажали деревья на Волжском откосе.
В жёлтой влажной земле, от листвы конопатой,
Были вырыты ямы железной лопатой.
И с ещё не опавшей листвою зелёной
Были в ямы поставлены тонкие клёны.

У моей однокурсницы, скромной и милой,
Вдруг увидел я пальцы в зелёных чернилах,
И правее чернил на ладони – легко ли? –
Без привычки натёрты две белых мозоли.
Но она улыбалась, хоть вымокло платье:
Есть такая усталость, что родственна счастью,
Есть такая усталость, когда, молодея,
Человек себя чувствует выше, сильнее.

Каждый ствол побелили кручёные кисти,
Благодарно и радостно шепчутся листья.
Нелегко отвести нам горящие взгляды
От большого шумящего юного сада,
От волшебного клада
За чугунной оградой.
И в мечтах мы по парку густому ходили,
Меж тенистых деревьев, что мы посадили.

В.П. ЧКАЛОВУ

В ранний час, когда вокруг морозно,
И заря над городом встаёт,
Вижу я, что вылитый из бронзы
Чкалов собирается в полёт.
Будто видя ровную площадку,
Вновь он погружается в мечты:
Вот натянет лётную перчатку,
След оставят мягкие унты;
И взовьётся всенародный сокол,
По привычке покачнув крылом,
В синеву, далёко и высоко –
Через все преграды напролом!
Подвигом, и мужеством, и славой
Потрясёт народы мира он…
…Был он лучшим, признанный по праву,
Нашей светлой правдою силён.
В нём – любимом, ненаглядном сыне –
Жил, кипел и побеждал народ.
Оттого нам кажется и ныне:
Чкалов собирается в полёт.

ГОРОД В ЯНВАРЕ

Морозный воздух – точно на спирту.
И под ногами снег хрустит, как хворост.
Сегодня птицы мёрзнут на лету,
Но выглядит ещё живее город.
Походки энергичны и легки
Настолько, что с бровей слетает иней.
Раскатистей заводские гудки,
Трескучей провода трамвайных линий.
Звенит, как лёд, широкий тротуар,
Очищенный от снежного заноса.
И от дыханий тёплых – белый пар,
И синий дым – от жара папиросок.
Рабочие идут из проходных
Спокойно. Малыши вокруг снуют их…
Так юркие секунды вкраплены
В торжественные ровные минуты.
В такую стужу каждый шаг звучней.
Снега к домам прибиты, точно дюны.
И вечер ожерелья из огней
Кладёт на город, собранный и юный.

СТИХИ О СОРМОВЕ

СОРМОВО

Притуплён июлем ветер колкий,
Об листву ломаются лучи.
Теплоходы плавают по Волге,
В Сормове живут сормовичи.
Каждому, сидевшему на парте,
Сормово знакомо с юных лет:
Мал кружочек Сормова на карте –
Велика заслуга на земле.
Вот оно – всё видимое сразу.
И в газон, где рослая трава,
Падает в серебряные вазы
Сорванная с дерева листва.
Сколько чувств, как май, благоуханных,
Светятся улыбкою с лица!
Если вы стоите у фонтана
Около трамвайного кольца,
Виден Дом стахановцев налево,
Справа – «Плёс», гостиница. Народ
Важно к кассе Дома пионеров
Имени Заломова идёт.
И троллейбус, искристо и чинно,
В свежей комфортабельной красе
Едет до Починок без починок
В шуме шин по ровному шоссе.
А когда-то, втоптанный булыжник

Посыпая матерным словцом,
«В город», возвышающийся Нижний,
Задыхаясь, люди шли пешком.
Сгублен год в труде чужом и черном,
День получки сгублен в кабаках.
Пьяные на улице Соборной,
Битые на Сормовских песках…

Здесь в году, раскатистом и дымном,
Знамя в дни восстаний поднял дед,
Водрузил отец его на Зимнем,
Я пронёс дорогами побед.
… И теперь, когда уходят плавать
Из затона новые суда,
И ведут тяжёлые составы
Сормовской поделки поезда, –
Я считаю самой прочной славой
Славу коллективного труда.
Все переходящие знамёна –
В орденах завода. А одно,
Знамя Комитета Обороны,
Счастьем нам навечно вручено.

Лишь пройти военными ночами
И вождя приказы перечесть,
Станет ясно – быть сормовичами
Это гордость, мужество и честь.
Мы спокойны, нам все дали близки,
Мы прямы, уверены во всём.

Можешь москвичом быть по прописке,
Но душою будь сормовичом.
Хорошо, когда мы силу ценим!
Лучше – если техника в руках!
Не случайно же от смены к смене
Коммунизм рождается в цехах,
Зеленью проходит по аллеям,
Песнею звучит воскресным днём,
В каждый дом стучится веселее
Радостью и солнечным трудом…

МОЯ РОДОСЛОВНАЯ

Без чувства гордости и чести
Блуждая в сумраке веков,
О предках, сгинувших без вести,
Не знаю я и пары слов…
Но годы шли, число росло их,
Наглел гудок, как старый сват.
Стирая грани всех прослоек
Являлся пролетариат.
И, видно, заработка ради,
В тот, знаменитый ныне год
Мой отдалённый хмурый прадед
Пришёл на Сормовский завод.

Теперь совсем по-городскому
Уходят в небо этажи,
Но было в Сормове три дома,
В одном из них – мой прадед жил
В нужде, усталости и дыме.
Но стали с той поры не зря
Сормовичами коренными
Потомственные токаря.

Когда унять не в силах пушки
Жандарм по окнам стал стрелять,
Прикрыв себя щитом подушки,
Глядела в ночь девчонка … мать…

Ура и слава гордым бурям!
Недаром дядюшка был рад
Носить побои мрачных тюрем
За непокорность баррикад.

Ещё один напор народа –
И рамки царские тесны.
Октябрь семнадцатого года –
Начало ленинской весны.
Отец мой был в бою неравном,
Как иллюстрация к словам –
Его царицынская рана,
Его седая голова.

Росли отцов мы веселее,
Но нас вели одни вожди,
И путь наш был в сто раз труднее,
Плотней свинцовые дожди.
И если нынче даль открыта,
Счастливей каждый гражданин –
Недаром нами кровь пролита:
Царицын – Сормово – Берлин.

СОРМОВИЧ

Из Берлина в новеньких погонах
Ехал я домой через Москву.
Звонко тень курящего вагона
Скашивала свежую траву.
Кто-то всё ворчал, что май холодный,
А другой, не глядя на окно:
«Май холодный – годик хлебородный!» –
И стучал костяшкой домино.
У стола «болельщики» стояли:
«Май холодный – это не беда,
Говорят, воды вот в судояме
Маловато… выйдут ли суда…» –
Веские спокойные движенья,
Орден на петличке пиджака.
Сормович по духу и рожденью,
Я предугадал в нём земляка.
Молчалив, но если скажет, – басом,
От бровей и до затылка сед.
Молодым он был, как Павел Власов,
А теперь – как мой любимый дед.
Не желал я задавать вопросов,
Но хотел я истину постичь…
И свернул сосед мой папиросу
Из газеты «Красный сормович».

МОЛОДЁЖЬ И ВЕТЕРАНЫ

Над Волгой – заря океаном.
Когда ты поутру встаёшь,
Идут на завод ветераны,
И рядом идёт молодёжь.
Смертельные делали раны,
Бросали противника в дрожь
У стен баррикад – ветераны,
В берлинских боях – молодёжь.

И нынче в работах по плану
Программу досрочно даешь!
Пример подают ветераны,
Идёт впереди молодёжь.
В столетьях не сыщется равных,
Гляди, как народ наш хорош –
С улыбкой идут ветераны,
И с песней идёт молодёжь.

Главный меридиан

КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ

Выйду я на солнечную площадь.
Под звезду священного Кремля,
И передо мной ясней и проще,
Словно на ладони, – вся земля.

Над столицей – праздничные залпы,
Песенный ликующий поток.
И далёкий омрачённый Запад
Открывает окна на Восток.

Войнами искромсанной планете
Исцеленья нет – который век;
Не хотят вражды на белом свете
Жёлтый, чёрный, белый человек.

Пусть три цвета, но два мира в мире
И одна дорога из дорог!
Потому, наверное, всё шире
Люди мира смотрят на Восток.

На виду у всех мы. И недаром
Вся Земля отсюда на виду:
Будет день – я по земному шару,
Как по Красной площади, пройду!

СТАЛИНГРАД

1

В кирпичной стене пролом –
Трамвай бы проехать мог.
В пролом виден новый дом,
Колоннами на восток.

Там люди ни ночью, ни днём
Не думают уходить.
Он город-герой. И в нём
Нельзя не героем быть.

2

Когда с Мамаева кургана
Глядишь на город Сталинград,
Тайком ощупываешь раны,
Как будто снова ты солдат.

Пестрят дома.
Дымят мартены.
Чернеют баки у реки.
И сквозь раздробленные стены
Разгуливают сквозняки.

Но вон берёзки подрастают,
И там, где был передний край,
Звеня и искры рассыпая,
По рельсам катится трамвай.

ГЛАВНЫЙ МЕРИДИАН

Почему через предместье Лондона
Главный проведён меридиан?
Нет, напрасно предпочтенье отдано
Городу, где сумрак и туман.
На родном меридиане Пулкова,
На Неве «Аврора» в грозный час
Грянула. И после залпа гулкого
Новая эпоха началась.
Всё сбылось, о чём веками грезили.
И недаром видит белый свет
Над Москвой счастливое созвездие
И сверяет время – по Москве.
И неважно, сколько будет пройдено
Времени, но по решенью стран
Люди через сердце нашей Родины
Главный проведут меридиан!

УТРО НАШЕЙ РОДИНЫ

(написано в соавторстве
с Владимиром Половинкиным)

Светает. И с любого расстоянья
Мы видим за прозрачной синевой –
Рубиновое алое сиянье
Сливается с рассветом над Москвой.
Над нашей самой мирною державой
Поднялось утро, радостно лучась.
К тебе, Москва, столица нашей славы,
Мы тянемся сердцами в этот час.
Но всю страну охватывая разом,
Мы видим ширь обкошенных полей
И русого парнишку-верхолаза
На Гидрострое возле Жигулей.
Мы видим в Каракумах, где доныне
В песках лишь саксаул горбатый рос, –
Ведя канал, вгрызается в пустыню
Сработанный на Волге землесос.
А в городе, откуда Горький родом,
Где юный Чкалов крылья расправлял,
Заложен первый лист электрохода –
Отличной марки сормовский металл…
Светает. И с любого расстоянья
Мы видим за прозрачной синевой –
Рубиновое алое сиянье
Сливается с рассветом над Москвой.

НА ПАРАДЕ

Даль беспредельно голубая,
На нежных флагах светлый тон.
И солнце, словно присягая,
Целует пышный шёлк знамён.

И нету выше благодати:
Пройдя по праздничным рядам,
Узнать в прославленном солдате
Героя мирного труда.

И песня жизнь, как праздник, красит,
И над колоннами поют:
«Нас числит Родина в запасе,
Но мы по-прежнему в строю».

Слова звучат, как верный признак
Того, что в славе наших лет
Тебе, любимая Отчизна,
Цвести улыбкой на земле!

НЕ ВИДЯ РОДИНЫ

Не видя Родины, я знал: она со мной.
Я слышать мог на расстоянье
В приказах маршалов,
В салютах над Москвой
Её победное дыханье.
Но не было и дня, чтоб не грустил о ней,
О ней, родной, неповторимой;
Не видя Родины, я чувствовал сильней,
Как горячо она любима.
Последний бой с врагом, как эхо смолк в лесу,
Сквозь дым встал замок в отдаленье…
Не видя Родины, её одной красу
Я рисовал в воображенье.
Не видя Родины, я с ней был тесно слит
Единой благородной целью.
Надежды, думы, честь родной земли
Я нёс под серою шинелью…
Вернувшись, я стою над Волгой и Окой,
К труду, к учёбе рвутся руки.
Не видя Родины, я знал: она со мной.
Но как я тосковал в разлуке!

* * *

В книге сказано: «Чуден
Днепр при тихой погоде»…
Но известно не каждому –
Гоголь прав иль не прав.
Помню год сорок третий, гвардейцы выходят
На высокий пристрелянный берег Днепра.

На Днепре – переправа, в небе чёрные тучи.
Не вчера ль «птицу-тройку» читал старшина?
Ой, поэзия Гоголя, ой, днепровские кручи,
Обагрённая кровью седая волна!..

Мир, в боях завоёванный, и прочней,
и чудесней,
Наше счастье и радость не опишешь пером.
Как живой, Гоголь с нами, но новые песни
Раздаются над старым – над новым Днепром.

Слава Армии Мира! Советские люди
На работу выходят в рассвет голубой.
Вырастают плотины… И прекрасен, и чуден
Днепр, обузданный нами, при погоде любой!

НАВЕКИ ВМЕСТЕ

Только так. Пути иного нет нам! –
Сжав рукой могучей булаву,
Воплощённый в бронзу мудрый гетман
Вдаль указывает – на Москву,
Через все невзгоды и преграды –
К свету, к миру, к счастью своему.
Разве Переяславская Рада
Не стремилась искренне к тому,
Чтобы песня дружбы зазвучала
Над Днепром и Волгою-рекой:
Неспроста берут они начало
На Валдае – будто брат с сестрой.
Мы слились навеки воедино,
Вместе беды нам пришлось терпеть:
Пушкин сослан был на Украину,
А Шевченко – в глушь России, в степь.
Слышишь: песня дружбы зазвучала
Над Днепром и Волгою-рекой:
Неспроста берут они начало
На Валдае – будто брат с сестрой!
Не одни мы. Льётся песня-радость
Над простором всех советских рек:
Вместе бились мы под Сталинградом,
Вместе мы сражались на Днепре.
И сегодня, словно братья, рядом
Мы по светлому пути идём.
Мы хотим, чтоб солнечный порядок
Был на всей планете наведён.

РОДИНА

Я вырос в тот весенний вечер,
Когда садился в эшелон.
Ты положила мне на плечи
Ладони огненных погон.
Твой гнев и скорбь твою я видел,
Но вид твой был суров и мил…
О, как врага я ненавидел!
Как горячо тебя любил!
Мы силы множили любовью,
За рубежом беря рубеж,
И доказали нашей кровью
Всю нежность, всю любовь к тебе.
Мы рассчитались за обиду
В далёком вражеском краю.
И, как винтовки в пирамиды,
Сложили ненависть свою.

А жизнь идёт, наш путь не кончен,
Медалью каждый день отлит.
Хочу быть радостней и звонче
Любых поэтов всей земли,
Чтоб ты, страна, от мая к маю
Цвела и хорошела вновь,
В стихах и песнях принимая
Мою сыновнюю любовь.

ПЕРВАЯ ПУБЛИКАЦИЯ

КРАСНОАРМЕЕЦ-БОЛЬШЕВИК

За молодую, за родную
Освобождённую страну
На бой, под песню боевую,
Как там, в гражданскую войну,
Под гром победный барабана,
Сквозь сеть смертельного дождя,
В горячие бои Хасана
За родину и за вождя
Он шёл вперёд сквозь клубы дыма,
Держа калёный острый штык, –
Защитник Родины любимой,
Красноармеец-большевик.

И снова без следа смущенья,
Коль враг навяжет нам войну,
В кипучие котлы сраженья
Опять за славную страну
Пойдёт вперёд сквозь клубы дыма,
Держа калёный острый штык, –
Защитник Родины любимой,
Красноармеец-большевик.

РАССКАЗ МОРЯКА

Кто в море побудет,
Тот море полюбит –
Закон существует такой.
И мне оно тоже
Вдруг стало дороже,
Дороже, чем солнце весной.

Натурой бурливый,
Не стал для призыва
Я ждать долгожданный свой год.
Я был комсомольцем,
Пошёл добровольцем
В любимый Балтийский наш флот.

Как будто бы дома,
Со всеми знакомый,
Нашёл я там дружбу свою,
Нашёл там простую,
Большую морскую,
Вторую родную семью.

Мы дали присягу,
Что с поднятым стягом
Крепить будем силу и мощь,
Что нашей Отчизне
Мы преданы жизнью, –
И принял присягу наш вождь.

И если линкоры
Взбесившейся своры
Напасть захотят на страну, –
Морской канонадой
Пошлём, если надо,
Эскадру врагов ко дну.

ДЕТСКАЯ ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА

Выстроено нам, ребятам, много,
И средь школ, театров, лагерей
Детская железная дорога –
Гордость и любимица детей.

И сегодня с грохотом и свистом
Сквозь ноябрьский ветер и мороз
Покорённый юным машинистом
В первый раз помчится паровоз.

Строили и взрослые, и дети
Эти долгожданные пути.
Ни в какой другой стране на свете
Радости такой же не найти!

Виктор АВДЕЕВ,
9 класс, школа № 67, г. Горький.
Печатается по книге
«Слово горьковских внучат». –
Горький, 1940.

Любви моей чудесная беда

* * *

Сердце бьётся так часто, с волненьем таким,
Что не вижу покоя, не сплю по ночам.
Я-то, может, и знаю, что сделалось с ним,
Только я не хочу обращаться к врачам.

Врач наденет очки, и начнётся допрос:
За вопросом – вопрос, за ответом – ответ.
– Перебои заметны. Когда началось?
– Так с полгода назад.
– Раньше не было?
– Нет!

Да откуда же раньше такому и быть,
Если только недавно, с полгода назад,
Я увидел её и не в силах забыть:
Как сиянье – ресницы, как море – глаза.

* * *

С покоем и радостью в ссоре
Живу, неуёмно скорбя,
Как будто все муки и горе
Я ревностно взял на себя.

Дави, окаянная ноша!
Я горы теперь сворочу,
Я стану кристально хорошим –
Влюблённому всё по плечу!

И только обидно отчасти:
В такое столетие жить,
Иметь превеликое счастье –
И не с кем его разделить…

* * *

Она – предел моих желаний,
Она – как песня о весне.
Во сне приснится – как в тумане,
Живой увижу – как во сне.

Не назначал я ей свиданий
И плеч упругих не ласкал.
Она – предел моих желаний,
А кто предела достигал?..

* * *

Я сдуваю лёгкую пушинку
С твоего упругого плеча,
И на шее синенькую жилку
Вижу в освещении луча.

Вместе с солнцем будто гаснут звуки,
Зябнется немножко на ветру.
И твои доверчивые руки
Я своими бережно беру.

Хорошо, что мы живём на свете
В наше время и в одном краю:
Мне бы никогда тебя не встретить…
А кому сказал бы я – люблю?

* * *

Лиде

Я всё ещё девочкой вижу тебя,
По-прежнему глупо и нежно любя.
Далёкими стали недавние сны
За грудами камня и дымом войны.

Ты женщиной, матерью стала, и мне
Совсем ты чужая. Но часто во сне
Я всё ещё девочкой вижу тебя,
По-прежнему глупо и нежно любя.

* * *

Я сердцем хорошею,
Когда припомню вновь
И родинку на шее,
И выгнутую бровь.

Мы ехали в трамвае,
Внезапно ты сошла…
А дело было в мае,
И яблоня цвела.

До ночи целый день я
Шатался сам не свой:
Всё светлое виденье
Вставало предо мной.

А ночью синекрылой,
Волненья не тая,
Две пачки искурила
Бессонница моя.

Полвека прожил будто
Я за ночь до утра…
Вновь двери института
Я распахнул вчера.

И там, где в дни зачётов
Шла молодость моя,
Вдруг на Доске почёта
Тебя увидел я.

Как хорошо на свете
Любить и жить, и знать –
Тебя могу я встретить
И всё тебе сказать!

* * *

За окном неровно дышит вьюга,
Словно запыхавшийся бегун.
О тебе, любимая подруга,
В этот час не думать не могу.

А метель танцует над домами.
Где-то в такт ей дико вторит вой,
И она размашисто, мазками
Будто бы рисует образ твой.

Ты вчера вбежала, запыхалась,
А сегодня след твой замело.
На дворе – невероятный хаос,
На душе – уютно и светло.

Мы вчера доверчиво открылись,
Как цветы при солнечном тепле,
И так долго, нежно говорили
О любви, о счастье на земле…

Отшумит над миром непогода,
Снег сойдёт потоками воды,
Но в груди ни месяцы, ни годы
Не сотрут глубокие следы.

* * *

Что же не спросишь ты,
Счастлив ли я,
Милая девушка,
Песня моя?

Что же не кинешь ты
Взглядом-лучом?
Мне бы и подавно –
Всё нипочём.

Есть ли хоть что-нибудь,
Может ли быть
Выше вот этого
Счастья – любить?

* * *

Ты любила меня,
И тебя я любил.
Может, тем от огня
Заслонён я и был.

В нашей юной стране –
Снова мир и весна.
Ничего, что не мне
Ты – другому верна.

Я не знаю его,
Но хочу, чтобы он
От всего, от всего
Был тобою спасён.

Счастья вашей судьбе!..
Это сердце поёт
Благодарность тебе
За спасенье моё.

* * *

Ей в ноги пасть? Просить прощенья?
Проклясть навеки? Нагрубить?
На стороне искать спасенья?
Уснуть? Забыться? Разлюбить?

Краснеть при встречах? Встреч бояться?
Не дорожить? Не вспоминать?
Сквозь слёзы песни петь? Смеяться?
Напиться пьяным? Зарыдать?

Порвать стихи? Рискнуть жениться?
Обед варить? Детей иметь?
Нет, мне уже не измениться –
Страдать! Бороться! Жить! Хотеть!

ЛЮБИТЬ – ЕЩЁ НЕ ЗНАЧИТ БЫТЬ ЛЮБИМЫМ
(Лирика из школьной тетради)

Лиде М.

Здесь всё от сердца, всё любя,
Всё о тебе, всё для тебя!
Виктор А.

* * *

Когда близ дома твоего бреду,
Ищу тебя глазами на балконе,
Как астроном на тёмном небосклоне
Недавно им открытую звезду.
И не найдя тебя, иду я мимо
С опущенною низко головой:
«Любить – ещё не значит быть любимым», –
Решаю я, направившись домой.

* * *

Вокруг меня кружатся в танцах,
Повсюду музыка и смех,
Лишь я стою, слагая стансы,
Стою один угрюмей всех.
Мои желания ничтожны:
Чтоб был от радости я пьян –
Один бы взгляд, пусть даже ложный,
Одно бы слово, пусть обман!

В неё бросаю снова, снова
Я взоры полные огня,
Она же смотрит на другого,
И нет ей дела до меня.
Собака-ревность сердце гложет.
Как ни бесись, как ни ярись,
Раз ничего тут не поможет,
Так пой, танцуй и веселись!

* * *

Хочу забыть, но всё напрасно,
Хочу забыть – и не могу:
Твой образ милый и прекрасный
В своём я сердце берегу.
В душе моей всегда волненье,
И грусть ничем не разогнать,
И со стены воображенья
Мне твой портрет никак не снять.
Нет! Никогда как уравненье
Тебя к нулю не приравнять!

* * *

Ох, кто бы только знал да ведал,
Как сильно я её люблю.
Гулял, читал бы, иль обедал,
Я мысль о ней всегда таю.
Пройдёт под окнами случайно,
А я увижу – задрожу
И через занавеску тайно,

Пока не скроется, слежу.
Когда же повстречаюсь с нею,
То прохожу весь, как в бреду,
И чувствую, что покраснею,
И, кажется – вот упаду.
А лягу на кровать в потёмках –
Вновь вспоминаю встречи час,
Как будто там лишь были съёмки,
А ленту проявил сейчас.
И тут же, словно из тумана,
Мне выплывают каждый раз
Движенья рук и нежность стана,
И эллипсы прекрасных глаз.
Знать, в облаках мечты и бреда
Я жизнь и проживу свою…
Ох, кто бы только знал да ведал,
Как сильно я её люблю!

* * *

Пусть я этим смешон,
Но в тебя я влюблён,
И никто так влюблён ещё не был!
Ты ж со мной холодна,
Как вот эта луна,
Что плывёт по осеннему небу.
Рад ценою любой
Я расстаться с тобой,
Но не в силах то сделать, и лучше
Скройся ты от меня

За шумихою дня,
Как луна эта скрылась за тучи.

* * *

Ещё задолго до такого дня,
Когда откроются пред нами двери,
Ты обещала не забыть меня,
Но я, признаться, очень мало верю:
Окончив школу, жить ты будешь цепко,
И быстро полетит за годом год,
И старые события, как щепку,
Волной событий новых захлестнёт.
И у тебя самой уж будут дети,
И ты забудешь славный школьный круг,
Забудешь ты, что жил такой на свете,
Твой самый ярый преданнейший друг.
И, может быть, когда-нибудь близ дома
Тебя я встречу через много лет,
А ты пройдёшь, как будто не знакомы,
Лишь я печально оглянусь вослед.
Ты на глазах исчезнешь метеором,
А я переживу всю юность вновь,
И будет больно мне за ту, которой
Когда-то отдал Первую любовь.

ТВОЁ ПОСЛЕДНЕЕ ПИСЬМО

Твоё последнее письмо
Я до сих пор храню.
Оно, как мы с тобой, само
Стареет день ко дню.
Но только стоит в руки мне
Листок измятый взять,
Ты, хорошея, как во сне,
Мне грезишься опять.
Я вспоминаю длинный путь,
Где мы прошли, скорбя,
Где каждый день хоть что-нибудь
Хотелось от тебя.
Ты в ожиданьи не клялась,
Ни слова про любовь,
Подолгу мы теряли связь,
Но находили вновь.
И мне казалося порой,
Что любишь ты меня,
Но я не знал, что там второй
Ждёт свадебного дня…

* * *

По Орловской земле от верховьев Оки
В наступленье пошли боевые полки.
Танки землю бросали в холодную дрожь.
Враг бежал. Разгибалась примятая рожь.
На Орловской земле у верховьев Оки,
Я, сражённый, упал на сырые пески.
Донеслось до ушей: «Командир, командир!..»
Но растаял в глазах покачнувшийся мир.
Обо всём я забыл, ни о чём не мечтал,
И во мне остывал раскалённый металл.
Только рана моя на негромкий мой крик
Показала дымящийся красный язык.
И лежал я, как донор иссохшей Оки,
И плыла моя кровь вплоть до Волги-реки.
И как раз в этот день, пожалев свою мать,
Может, ты выходила бельё полоскать.
И солдатская кровь, что пролита в бою,
Скромной каплей легла на сорочку твою.
Я не знал о тебе, ты не знала меня,
Но я был невредим с того самого дня…
И теперь, расставаясь у самой реки,
Почему-то я вижу верховья Оки.
Очевидно, солдатская чистая кровь,
Точно искра, зажгла в тебе эту любовь.

ПРОЩАНИЕ

Не клади мне руки на погоны,
Не смотри так пристально в глаза:
Я таким же нежным и влюблённым
Возвращусь, любимая, назад.

Люди звёзды с неба не хватают,
Есть закон неписаный такой,
Только я вернуться постараюсь,
Грудь украсив золотой звездой.

Пусть я не летал на крыльях славы
Над полями европейских стран, -
Отмечает Родина по праву,
Коль отвага подвигу сестра.

В сердце чувства зрели урожаем,
Жизнь казалась ясной наперёд.
И она вздохнула, провожая
Друга в испытательный полёт.

– В эту высь с тобой подняться мне бы!
Да зовёт пора земных трудов,
Но любовь светлей и чище неба,
Выше самых дальних облаков.

Заревел мотор. Свеча с разгона.
Круг прощальный. Дыма белый хвост.
И на крыльях, точно на погонах,
Красота пятиконечных звёзд.

* * *

Под горою улица кончается,
Улица родная – под горой.
Славный парень с девушкой встречается
Вечером весеннею порой.
Меж густыми ветвями зелёными
Звёзды загорелись в вышине,
И шинель со снятыми погонами
О минувшей говорит войне.
Где я был, любимая, не спрашивай,
Знай одно, что о тебе скучал.
Лучше не нашёл я края нашего,
Девушек красивей не встречал.
Верю: не обидела изменою,
Вижу: дожидалася меня.
Мы любовь, как счастье неразменное,
Сберегли до радостного дня.
Под горою улица кончается,
Улица родная – под горой.
Говорят, что свадьба назначается
Вечером осеннею порой.

* * *

Марине

Сквозь утихающую вьюгу
Пахнуло мартовским теплом.
Плывёт весна большая с юга,
Вовсю работая веслом.

И что в душе моей таилось,
Глаза всем встречным говорят…
Сегодня ты во сне приснилась
Уже который раз подряд.

Я так успел к тебе привыкнуть,
Твой голос и твой взгляд любя,
Что хочется обнять и крикнуть:
– Как долго я искал тебя!

ВЕСЕННЕЕ

Волны бьются подо льдом,
Чуть слышны.
Слышу в ропоте глухом
Зов весны.

Скоро сбросит вся река
Лёд – ярмо,
Отразивши облака,
Как трюмо.

Переполнит берега
За края
И польётся на луга,
На поля.

Звуки в сердце всё ясней
С каждым днём.
Сколько, сколько по весне
Песен в нём.

Раскрывайся, развернись,
Вся душа,
Чтобы крикнуть: «Как ты, жизнь,
Хороша!»

* * *

Когда-нибудь легко меня покинет
Любви моей чудесная беда.
Когда-нибудь не будет и в помине
Всего того, что чувствуется ныне.
Когда-нибудь, а может, никогда.

Когда-нибудь, узнав тебя случайно,
Сравню, какой была ты молода.
Возненавидев рабское молчанье,
Откроюсь я тебе в любви печальной
Когда-нибудь, а может, никогда.

Когда-нибудь твою прищемят душу
Минувшего пудовые года,
И ты меня в объятиях задушишь,
И нежно скажешь мне:
«Зачем же ты, послушай?..»
Когда-нибудь, а может, никогда…

Зачётная книжка

ПОЕЗДКА В БОЛДИНО

I

Большое Болдино, встав на пригорок,
Оглядывает пышные поля.
Завидуй урожайному простору,
Горюхинская бедная земля.
Густым зерном засыпаны амбары,
И отпылился воздух на току.
Просторный клуб. Колхозники. Недаром
Я так ценить стал каждую строку!
Я видел днём аллеи лип высоких,
Я слышал, над прудом шумит ветла…
Где мы шептали пушкинские строки,
Где тень поэта мимо нас прошла.
Нет, никогда я так взволнован не был,
Как в тихом зале громкого села:
Ведь надо мною пушкинское небо,
Передо мной – великие дела.
И я в стихах им высказал открыто:
Село известно Пушкиным. И всё ж,
Оно вторично будет знаменито:
Его трудом прославит молодёжь!

II

В последний раз свежо и ярко
Взглянуло солнце на поля,
И в пушкинском старинном парке
Вечерний август, тишь и я.
Вдруг что-то синих лип верхушки
Шепнули вздрогнувшим ветрам,
Как будто вспомнили, что Пушкин
Смотрел на них по вечерам.
И я всмотрелся. И, робея,
Себе представил: как живой
Проходит Пушкин по аллеям,
Шурша осеннею листвой.
Не здесь ли в зарослях колючих
«На берегу пустынных волн»,
Завидуя свободным тучам,
«Стоял он дум великих полн»!
…Во всём мне виден Пушкин. Сёла
В вуали тьмы. В саду темно.
А рядом песню комсомола
Поёт колхозное звено.

III

Не задымись по царскому веленью
От чёрных рук на Чёрной речке рана,
Забытое далёкое селенье
Он мог бы сделать Ясною Поляной.

Сознанье наше к Пушкину привыкло.
Но если бы он не дал, величавый,
Ни строчки, кроме болдинского цикла,
И то б он был поэтом первой славы.

Быть может, современникам обидно,
Но разве стать им было знаменитей:
Когда восходит солнце, звёзд не видно,
Тем более, когда оно в зените.

IV

На свете счастья нет,
но есть покой и воля.
А.С. Пушкин

Прощайте, наш поэт!
Зовёт к работе время.
Мы снова встретимся
За письменным столом.
Да, нам понятно: вы
Рвались к крестьянской теме,
К простому мужику,
Стремясь вот в этот дом.

Но век ваш был такой,
Что все мечты – химера.

И очень трудно быть
Счастливым одному.
Но в жизни счастье есть,
Когда в него есть вера,
Когда народ един
В стремлении к нему.

ЛЕРМОНТОВ

Ударил гром, навеки не простив
Бездельников изнеженную горстку.
Дожди размыли кровь у Пятигорска…
Но жив чеканный, жив железный стих.

Бессмертие его не знает сроков,
И в будущем счастливые века
Увидят неподкупного пророка
В поручике Тенгинского полка.

Царём из списков вычеркнутый строго,
Живёт в народе он, великий сын:
Поручиков в России было много,
А Лермонтов – на всей земле – один!

Пока была «немытою» Россия,
Великого печален был удел.
С какою бы он гордостью впервые
На наше поколенье поглядел!

УХОД ТОЛСТОГО

Ночь. Октябрь. Шагнули из тумана
Два массивных каменных столба.
За спиною – Ясная Поляна,
Жизнь его, любовь его, судьба.
А давно ль в безмолвии зелёном,
Осыпаясь утренней росой,
Кланялись задумчивые клёны
Всаднику с библейской бородой?
Ночь. Рассвет. Роса – как многоточье.
Неужели в прошлом навсегда
Радостно-мучительные ночи
Каторжно-высокого труда?
Может быть, вернуться? Всё в порядке.
Снова всё, как прежде. А потом
Женины капризы и припадки
И отдельный завтрак за столом?
Нет!
Как недочитанную книгу,
Бросил всё отшельник и мудрец.
Роскоши наследственное иго
Сброшено. Растоптано. Конец.
Он бы жил помещиком законно,
Будь бы в мире сытость и уют,
Но в народе потому и стонут,
Что Толстые в роскоши живут.
Всё долой: иного нет исхода.
Путь один – к сиянию зари.

Разве из сиятельного рода
В первый раз выходят бунтари?
Рушатся устои вековые,
И за пятым будет новый год –
Растоптав двуглавую Россию,
На голову вырастет народ.
Позади – он видит оком мудрым –
Комната под сводами и лес;
Впереди – встречающая утро
Вся земля под сводами небес.
Руки под ремень, как на портрете,
Сунул он. И, словно на века,
За пояс заткнули всех на свете
Жилистые руки старика.
Он народу выехал навстречу.
Сможет ли понять его народ?
В голове – костёр противоречий,
А коляска знай себе – везёт.

ШУМЯТ ВИШНЁВЫЕ САДЫ

Юноша кипучей жизнью зажил:
Он влюблялся больше с каждым днём
В прелесть среднерусского пейзажа,
В белые берёзки над прудом.
Шёл он в жизнь, всё видя зорким глазом –
Кровь была чиста и горяча –
С первыми набросками рассказов
И с дипломом русского врача.
Мрак деревни, избы покосились,
Что ни шаг – мужицкая беда,
Вялая чиновничья Россия…
– Скверно вы живёте, господа!
Голос был спокоен и негромок,
Но его услышала страна.
Были впереди раскаты грома,
Первой революции волна.
Человек на свет рождён для дела:
В наш высокий исполинский век
Жизнью самой умной, полной, смелой
Зажил на свободе человек.
Этими вот сильными руками
Свет мы добываем из воды,
Степи одеваются лесами,
И шумят вишнёвые сады…
Мастер слова, пьес, рассказов, смеха,
Ближе, современней с каждым днём…
Что б сказал сейчас великий Чехов?
– Хорошо, товарищи, живём!

НАБАТ СЕРДЦА

Жизнь была ему с рожденья нелегка,
Лишь порой врывались радостью весенней
Ласка матери да пляска Цыганка,
Сказки бабушки да птиц лесное пенье.
Унеслось скупое счастье этих дней:
«В люди» изгнанному радостей не будет.
Если б не было у мальчика друзей,
Он, наверно, никогда б не вышел в люди.
Хороши вы, книги, верные друзья!
Припадая к человеческому слову,
Словно жажду утолял он из ручья,
Словно зрячим становился из слепого.
Он читает при свече и при луне,
Поклоняется Толстому и Флоберу,
И хозяйские занозы на спине
Угасить не могут в будущее веру.
Он запомнит, заклеймит тот страшный быт,
Чтобы мы к мещанам ненависть питали.
Не за это ль был нещадно в детстве бит
Гордый юноша, что стал на пьедестале?
Он вознёсся – нашей правды торжество,
Как герой, по-настоящему народен.
Нет, не зря набатом сердца своего
Призывал людей он к свету и свободе.
И недаром на любом материке
Слово Горького – стоусто и стооко.

В каждой фразе, в каждой огненной строке
Бьётся сердце гуманиста и пророка.
И на что б враги народов ни пошли –
Трудовое человечество – несметно.
За трудящимися – будущность земли,
Потому и слава Горького бессмертна.

ПРОЩАНИЕ С НИЖНИМ

Кричали чайки на лету,
И ветер дул с такою силой,
Что на плашкоутном мосту
Хватались люди за перила.
А юноша на «Гребешке»
Стоял сутуловатый, рослый,
С дорожной палкою в руке
И с догоравшей папиросой.
Что ж, догорает – догорай…
С щемящей грустью и укором
Отцовский край, родимый край
Он видел просветлённым взором.
Так он стоял на «Гребешке»,
С предчувствием призывной песни,
С дорожной палкою в руке,
Неутомимый Буревестник.
Пора! Чуть дождик моросит,
Седая пыль прибита к горке…
Пешков уходит по Руси,
Чтобы назад вернуться Горьким!

А.М. ГОРЬКОМУ

Здесь, на крутом откосе, на заре,
Ты с пламенной надеждою во взоре
Бродил, мечтал о счастье и добре,
Когда вокруг сердца сжимало горе.

Ну что же мог сказать ты беднякам,
Хотя и верил: что-то, что-то будет,
Когда мальчишкой был ты в людях сам,
И весь народ, как ты, был тоже в людях!

Но верный путь был избран, наконец!
В таких сердцах большие силы бьются.
И ты из масс поднялся, как борец,
Как буревестник наших революций.

Наперекор жандармскому «молчи»
Тогда Россия на борьбу вставала,
И виделись тебе сормовичи
Прообразами Ниловны и Павла.

С годами люди всё превозмогли,
Пришёл Октябрь – и нам пути открыты…
Ты стал певцом ликующей земли,
Ты стал народным, нашим, знаменитым.

Теперь, когда сбываются мечты,
И мы идём вперёд могучим ходом, –
Горды мы, что ты наш! Что с нами ты!
Что ты принадлежишь всему народу.

ГЛАШАТАЙ ВСЕМИРНОЙ ВЕСНЫ

К врагам беспощаден, неистов,
К друзьям – задушевнее нет…
Он славил дела коммунистов
И был он партийный поэт.
Он видел, правдивый, горячий,
Величие начатых дел.
О Родине пел он, а значит,
О счастье трудящихся пел.
Он знал: всё чудесней и краше
Мы жизнь для себя создадим.
Могучая Родина наша
Навеки прославлена им.
И ныне от строек московских,
Минуя границы страны,
Идёт по земле Маяковский,
Глашатай всемирной весны.
Друзей у него – вся планета:
Париж и Нью-Йорк, и Мадрид.
Народная мудрость поэта
На всех языках говорит.

СЕРДЦЕ, ПРОНЕСЁННОЕ СКВОЗЬ ПУЛИ

У писателя есть рожденье,
Даты смерти нет у него,
Потому что его творенья –
Продолжение жизни его.

…Гей ты, ветер битв небывалых! –
Кони быстры и сталь остра,
Песня «Яблочко» на привалах
У потрескивающего костра.

Звёзды в небе ночном растают –
На буденовках пламя звёзд.
В легендарно-орлиной стае
Хлопец сердце сквозь пули нёс…

Но крепка революции школа:
Парень, видевший сто смертей,
По заданию комсомола
Снова там, где всего трудней.

Он пройдёт по любой дороге!..
Но сказалась войны гроза:
Отнимаются, вянут ноги,
Потухают его глаза.

Но в строю он!
Вновь солнце светит,
Ветер песни уносит вдаль…
Так побит рекорд долголетья
Книгой «Как закалялась сталь»!

И с тех пор она всюду с нами,
На заводах и на полях,
Миллионными тиражами
Отпечатанная в сердцах.

Собираем ли урожаи,
Водим трактор по целине,
Мы Островскому подражаем,
Чтобы так же служить стране.

В ВЕЙМАРЕ

Над Веймаром пылилось лето:
Дул ветер с пригородных нив.
У ног прославленных поэтов,
Стоял я, голову склонив.
Такими их, как скульптор вылил,
Я помню: взглядом на Восток,
Бумаги свиток держит Шиллер,
И Гёте – бронзовый венок.
О двух я думал государствах,
О двух народах, ливших кровь:
«Не знал ты, Шиллер, где коварство,
Где настоящая любовь…»
А небо делалось темнее,
Шёл синих туч девятый вал,
И мне казалось, «Прометея»
Великий Гёте завершал.
И вдруг тряхнул я головою,
Опять взглянул на пьедестал,
И словно выше их, обоих,
Я – рядовой Победы – стал.
За мною были кровь и раны,
Холодных пепелищ пустырь, –
Я вспомнил Ясную Поляну
И Святогорский монастырь…
Но я пришёл не для расправы.

«Кому ж был нужен путь кровавый?»
Потупили поэты взор,
Не в силах смыть своею славой
Родной Германии позор.

ДРУЖБА

Однокурснику,
азербайджанскому поэту
Наби Бабаеву

Ты приехал в Москву из Баку,
Полон солнца и воздуха горного.
Я оставил родную реку:
Я потомок рабочих, из Сормова.

Рвётся в форточку ветренный вихрь,
Словно шепчет: «Навеки запомните
Этот стол и окно на двоих
В вашей скромной студенческой комнате…»

Разве прочная дружба не там,
Где, друг другу потачки не делая,
Нами делится всё пополам,
Но сердца – как единое целое?

ЗАЧЁТНАЯ КНИЖКА

Заветная, скромная, верная
Зачётная книжка! От сессии к сессии
Ты потому и близка мне, наверное,
Что вижу в тебе я приметы профессии.

Как будто бы к сердцу приросшая,
Со мной ты проходишь волненья экзаменов,
И остаётся отметка хорошая,
Как будто эпиграф к полученным знаниям.

Пусть что и забудется – вспомнится.
Тебя лишь откроешь в минуту случайную –
В слове одном оживают бессонницы,
Минувшие радости, новые чаянья.

В АУДИТОРИИ

За окнами аудиторий
Акаций пышных жёлтый цвет.
Звонок разбился в коридоре,
И замер университет.
Всем факультетом встречен стоя,
Вошёл на кафедру доцент,
Кивнув небрежно головою.
И сразу тишина.
Студент
Застыл в углу, на дальней парте,
Привычно лекцию строча…
А солнце провело по карте
Указкой тонкого луча, –
Прошло от края и до края,
Как будто мысль всего одна:
– «Смотрите, юноши, какая
У вас великая страна!»
И вслед за ним, взглянув на карту,
На Волгу указал доцент,
И донеслось:
– Он был закатом
Немецких армий…
На момент
Перо споткнулось о бумагу.
Студент – соседу:
– Слышишь, брат! –
И зазвенела «За отвагу»,

Качнув медаль «За Сталинград»…
И улыбнулись ветераны,
Припомнив с гордостью солдат,
Как от Мамаева кургана
Их относили в медсанбат,
Как снова, кровью истекая,
Они сражались…
Зал затих,
И вновь:
– Вот так одна шестая
Спасти сумела пять шестых. –
И вместо амбразуры дота
Теперь увидев целый мир,
Студент, волнуясь, ждёт зачёта,
Как ждёт сраженья командир.

НА ПОРОГЕ

Пробежали дни гурьбой весёлой.
Классы. Коридоры. Этажи.
Вырос даже сад. А вон над школой,
Как и прежде, кружатся стрижи.

Школа, школа – дом родной и шумный!..
Здесь ли, нетерпением горя,
Ты, такой начитанный и умный,
Начинал когда-то с букваря?..

Выбирай работу по призванью,
Только не запамятуй о том:
Кто Отчизне хочет процветанья, –
Никаким не брезгует трудом.

Ремесло ли токаря по нраву,
Влюбишься ли в поле, в трактора –
Молодость для подвига и славы
Самая счастливая пора.

Словно мать, страну ты любишь молча –
И прославишь ты её в веках…
Как тебе не верить – комсомольцу
С аттестатом зрелости в руках!..

ПЛЕМЯННИКУ-ПЕРВОКЛАССНИКУ

С чувством новым, незнакомым
Завтра утренней порой
Из родного выйдешь дома
И войдёшь ты в дом родной.

Ждать с тревогой и волненьем
Станешь первого звонка,
По застенчивым движеньям
Все узнают новичка.

Не страшись гурьбы весёлой,
Не гляди, дружок, бычком,
Даже сам директор школы
Был когда-то новичком.

Сядь за чистою страницей,
Побори на вовсе лень,
Жить, товарищ мой, – учиться,
Так что помни первый день.

УЧИТЕЛЮ

Слова – поэту, токарю – металл,
А твёрдый мрамор скульптору послушен.
Но самый дорогой материал –
Детей ещё нетронутые души.
Спасибо вам! Не ваша ли рука
Водила над тетрадкой наши руки.
Прошла пред нами классная доска
Великий путь – от азбуки к науке.
Вы так заботливо растили нас,
Наш добрый, нестареющий учитель,
И шумно пролетал за классом класс,
И аттестат вы нам уже вручили!
Мы ваше имя славили штыком
В рейхстаге, перевёрнутом вверх дном,
В том городе, что знали лишь по карте,
И вспоминали, покраснев, о том,
Как делали надломанным ножом
Царапины на выкрашенной парте…

ПОРТРЕТ ПОЭТА

Я пушкинский видел портрет,
Расстрелянный нагло врагами.
Измятый, обрызганный грязью –
Знакомый, любимый портрет.
Но помню: подняли его
Бойцы, точно гордое знамя,
Готовые честно и прямо
Нести по дорогам побед.

В разрывах снарядов и мин,
Казалось, стонала планета.
Как факелы, в тёмной ночи
Пылали родные дома,
И в наших сердцах отзываясь,
Как будто наказом поэта,
Звучало: «Да здравствует солнце!» –
Звучало: «Да скроется тьма!»

Пять поэм

СОРМОВИЧИ

Столетию завода
«Красное Сормово»
посвящает автор

I

Как небо, душа безмерна!
Идёт бывалый солдат
По улице Коминтерна
На улицу Баррикад.
Деревья шепчутся кротко,
Упрятав свои стволы
В серебряные решётки
И звон золотой листвы.
Несёт чемодан походный
Высокий сержант-танкист.
Срывает рукой свободной
Сухой пожелтевший лист.
А солнце плывёт над миром,
Над Сормовом молодым.
Как хочется все квартиры
Приветствовать вместе с ним!

Рабочий, на друга похожий,
Спешит в «стахановский дом».
Узнай же, узнай, прохожий,
Того, кто ушёл юнцом, –
Вернулся домой мужчиной.
Дорогу пришлось пройти
От Сормова до Берлина,
Чтоб зрелость свою найти.
Как небо, душа безмерна.
Идёт бывалый солдат
По улице Коминтерна
На улицу Баррикад.

II

Долго шарит и найти не может
Он задвижку в выемке столба.
Сколько бы заноз впилось под кожу,
Будь его ладонь не так груба!
Сапогом отброшена калитка,
Ветерком приподнят хрупкий лист.
На стене ещё не стёрлось: «Лидка».
Чуть пониже: «Петька – футболист».
Это линзой выжег он когда-то…
По ступеням частый стук сапог.
По привычке гвардии солдата
Он ремень поправил. Дал звонок.
Сколько раз им пережита встреча!
Дверь откроется, и, вскрикнув, мать
Упадёт на молодые плечи:

«Милый мой! Сынок!» – и обнимать…
У сестры опустятся ресницы:
Целовать ей брата или нет?
Заскрипят сенные половицы:
Выскочит, прихрамывая дед;
А отец… И кнопка вновь нажата,
Выпущена очередь звонков,
Но никто нейдёт встречать солдата.
Тишина. Лишь слышен бой часов…
Сверху вниз теперь скрипят ступени.
«Где же все?» – солдат идёт, идёт…
И, как будто отвечая, Ленин
Поднимает руку на завод.

III

Родные руки пронесли
Шинель от потных плеч солдата
До вешалки. К столу семьи
Приставлен стул, по счёту пятый.
Отец суконным рукавом
Смахнул со стула пыль разлуки.
А мать… За всё, за всё кругом
Хватались сморщенные руки.
И дед твердил: «Не зря с утра
Так у меня чесались брови!»
«Гвардеец!» – крикнула сестра.
Такой восторг был в этом слове,
Что брат поцеловал сестру…
– Ну что ж, за всё, что пережито?.. –

Приятно дома пить за труд:
В Берлине за победу пито.
Осенних далей благодать,
Сухих поленьев треск в подтопке.
И, верно, в Лондоне слыхать,
Как тонко зазвенели стопки.

– Да, Петенька! Тебе привет
От Лиды.
– Не забыла?
– Нет…
(Стал Пётр торжественным и строгим).
– А что нам, собственно, пять лет:
Большой любви – большие сроки!
– Эх, Петя, дело-то твоё,
Да не особо верь приветам, –
Вздохнула мать. – Сейчас вдвоём
Их видела.
– И кто с ней?
– Летов…
– А, Игорь! Друг! Как он живёт?
– В войну он мастерски работал.
Прославился на весь завод:
Всё время на Доске почёта.
И награждён. А ты, сынок,
Куда решил?
– Куда решиться…
Пока не знаю.
– За станок! –

Промолвил дед. А мать: – Учиться!
Но дед, дымя под потолок:
– Гляди… Но как-то не подходит,
Считай, Баженовы, сынок,
Сто лет на сормовском заводе!

– А Лида кем?
– Как и в войну –
Комсоргом. – И гвардеец резко
Поднялся, подошёл к окну
И отодвинул занавеску.
Пред ним мелькнуло, как в кино:
Бросает Игорь папиросу,
Срывает Лида с «эскимо»
Клочки серебряных полосок.
– Ба! Полюбуйся. Каково?
Идёт как будто именинник…–
А сын ответил: – Ничего.
Теперь я здесь, а не в Берлине.
Ты завтра в семь встаёшь, отец?
Меня разбудишь.
– Как, так прямо?
– Решил?
– Решил.
– И молодец!
– Хоть отдохнул бы…
– После, мама…

IV

Надо писать бы талантливой кистью
Эти вот локоны, брови и губы.
Сорваны с дерева ржавые листья
Нервно и резко, как «любит – не любит».
Это трагедия каждого века,
Это вопрос вечно новый и старый.
Кто запретит полюбить человека,
Скажет, мол, ты, паренёк, ей не пара.
Сказано слово – сухое, как выстрел.
Чувства командуют девичьим сердцем.
Рушится счастье, что сам же ты выстроил,
Но ещё любишь, летишь по инерции.

Жёлтая осень. Прочитанной книги
Ветер листает страницы сурово…
– Лидочка… Лида!..
– Зачем это, Игорь?
Будем друзьями… Ну что тут такого…–
Взять отвернуться – спокойно и гордо:
Ты же стахановец видный в заводе.
Сил нет. И весь ты, как в море за бортом,
А пароход равнодушно уходит.
Поднял глаза он – такая родная
Девушка. Их вот таких же целуют…
– Чем же я плох, ты скажи мне?
– Не знаю,
Видно уж тем, что другого люблю я…

V

Хлынул дождь.
«Эх, жаль, что обещала, –
Комсомолки в общежитье ждут.
Хорошо б сейчас под одеяло!»
А сама проходит по дождю.
Пять минут – пальто насквозь сырое,
Пять минут – и улица в ручьях…
Прямо вброд! Как будто для того и
Туфли на высоких каблуках.
Быстрая упругая походка.
Ливнем и огнями залит путь.
Пробежав с волос до подбородка,
Капли мягко падают на грудь.
«…Петя, Петя!» и всплывает ярко
Первого знакомства тихий сон.
Шла она по Сормовскому парку
И о чём-то думала. А он
Подождал, пока она небрежно
Села и задумалась опять.
Улыбнулся. Взял за локоть нежно…
– Я не помешал вам? Как вас звать?
«Встать, уйти!» А он шутливо держит.
«Закричать – смешно: кругом народ».
– Отпустите! Ой, какой невежа…
– Не сердитесь: это вам нейдёт.
Посмотрела в гневном удивленье…
А весна несла приливы трав…
Вскоре был он зван на день рожденья

И простился, всех очаровав.
Смерь температуру у влюблённых –
Градусник не выдержит. И вдруг!..
Долгое молчанье у вагона
И пожатье бережное рук…
Холодно и трудно в цехе было,
Но зато легко среди друзей.
И, когда она теряла силы,
Девушка задумчиво твердила:
«Каково ему в грязи траншей!»
А потом под синим абажуром
В сотый раз читала письмецо,
И на штамп «Проверено цензурой»
Падала слеза…
Её лицо
Радостно сегодня: он приехал!
Вечер тёмен, но душа светла,
И встречают девушки из цеха:
– Ой, как хорошо, что ты пришла!..

VI

Забегал шариками ртути
Дождь по стеклу. В вечерней мути
Не видно очертаний крыш.
Солдат! Солдат! Наверно, вспомнил
Ты городов каменоломни
И грязь дорожную… Не спишь?
Теперь ты дома. Как оставил,
Всё так и есть. Лишь где был Сталин

Среди взволнованных детей,
Там Сталин – маршал. Рядом фото,
Где – Бранденбургские ворота
И в шлеме ты в кругу друзей.
А в остальном – без перемены.
В семейных карточках простенок
На старый сормовский манер.
Здесь дед и прадед, внук и правнук.
Но дед всех выше – бравый, славный:
Георгиевский кавалер!
Пётр приподнялся. Чиркнул спичкой.
– Не спится, Петя?
– Да, сестричка.
– Ещё всё чудится война?
Привыкнешь.
– Постараюсь, Зоя.
Привычка – дело наживное.
Ложись сама-то.
– Не до сна.
Ну вот смотри! Диктуешь – Сена
(Река в Париже), пишут сено.
Париж, выходит, сеновал…
– А я уж по твоим улыбкам
Вести умею счёт ошибкам.
– И что же, много насчитал?
– Со счёту сбился.
– Ну, напрасно.
Смотри, как пишут… Ясно?
– Ясно.

А как, дерутся?
– Да, шалят.
А что тебя интересует?
– Я знаю истину простую:
Кто не драчун – плохой солдат.
– Вот сын директора завода –
Как раз шалун такого рода.
А знаешь, что сказал отец:
«Учить – и никакой потачки!»
– Ну что ж, хороший дядя, значит?
– У нас директор молодец.
…Отец газету бросил сыну
И, руки за спину закинув,
Куря, прошёлся взад-вперёд:
– Нам навязать чужую волю?
Нет, никому мы не позволим!
Не напугаешь наш народ!

Ты всё не спишь, сержант запаса?
Ну, раскошелься на рассказы…
Как воевал?
– Ну, нет, уволь.
Война и так осточертела.
Ты лучше о заводе.
– Дело.
Как мы работали? Изволь.
Война нас сделала серьёзней
И злей. Вот дед твой, паровозник,
Ему лежать бы на печи,

А он работал. А давно ли
Твоя сестрица учит в школе? –
В цеху была. Сормовичи!..
И сын твердил: «И я не сдамся.
Теперь врождённое упрямство
Придётся мне благодарить».
Он вспомнил магазин «Динамо»:
«Снегурочки» – сказала мама.
Он «нурмис»* взял. Чтоб нос разбить.
Подрос, учился. Сколько жалоб
Учителей! Не счесть, пожалуй.
И вот промчались дни гурьбой.
Ему похожим быть хотелось
На Чкалова и на Гастелло, –
А вышло, стал самим собой.
Не зря он в детстве (только троньте!)
Был атаманом. И на фронте
Душой был танковых атак.
Война прошла, но не устал он.
И здесь во что бы то ни стало
Он будет первым. Только так.

VII

Заботой и чутким вниманием Родины
Увенчан твой труд вековой.
Прижались друг к другу три солнечных ордена
Над главной твоей проходной.

---

* «Снегурочки» – коньки для начинающих, «нурмис» – коньки для произвольного катания.

У Сормова слава столетнего стажа,
Но Сормово наших лет
Впервые рисуется мне экипажем
Машины труда и побед.

А было тревожное: хищники рыщут,
Всю землю на клочья кроя…
Приятно, что ты, величавый дружище,
На месте, как совесть моя.

Затянуты временем старые раны
И снова столетний завод
Героя сражений, как равного равный,
В прекрасное завтра зовёт.

VIII

– Здравствуй, Петя! Ишь ты, кряжистый!
– Игорю – привет!
– Почему ты не покажешься?
– Времени всё нет.
– Ну, болтай, да не прибалтывай.
– Нет, всерьёз, не мог.
– За одной учились партою –
И один станок.
Восемь лет прошло без малого.
Подходяще?
– Да.
– Как ты, Петя, помнишь Чкалова?
– Память не вода.
– Знаешь, стоит мне зажмуриться –

Вижу как сейчас:
Чисто вымытая улица
И машина «ГАЗ».
Вышел. Ноги, как на палубе.
«Здравствуйте, друзья!»
«Здравствуйте, Валерий Павлович!» –
Первый крикнул я.
– Но зато я дом директора
Показал ему.
– Да, чудесный человек-то был:
Видно по всему.
Сам известный, был над полюсом,
А спросил, как звать.
«Ну-ка, Петька, что за поясом?
Покажи тетрадь».
А лицо такое скорчил он!
И раздался бас:
«Да, друзья, с подобным почерком –
В грузчики, как раз!»
В мёртвой петле он и в штопоре
Был куда силён.
А теперь вот почерк токаря
Посмотрел бы он.
– Да и ты богат колодочкой.
В штурме боевом
Враг, наверно, знал походочку
Танка твоего.
– Вот предвидел он! Мне помнится
Смысл прощальных слов:

Кроме Северного полюса –
Много полюсов!
Что ты рано? Сколько времени?
– Три без двадцати.
Если твой станок доверили,
Как же не прийти.
Подучиться надо: техника
Двинулась – ай-ай.
А война-то, брат, не техникум…
– Ну, давай, давай!..

IX

Колоколом медного закала
Цех гудит. Подрагивает грунт.
Скоростное резанье металла
Измеряет долями секунд
Время дорогое. Всё яснее
Слышится усталость рук и ног.
А резец, как будто бритва бреет, –
Синей стружкой пенится станок.
Кажется, и не было разлуки –
Только вот медалей восемь штук;
Кажется, в труде окрепли руки –
Только раны вот не сходят с рук;
Кажется, вот здесь гнала махорка
Липкую бессонницу ночей –
Только вот седая гимнастёрка
Да прожжённое пятно на ней…
– Что задумался, сержант Баженов?

Как дела, товарищ фронтовик?
Ничего, брат, рубанул за смену!
Ты по-фронтовому.
– Так привык.
– Вот таких мне молодцов набрать бы –
Не в четыре, в три бы года план!
Ты не позабудь, в субботу свадьба.
– Что ж, роднимся, стало быть, Степан?

– Да… смотри: я рос над Бугом,
А здесь, над Волгою-рекой,
Мы познакомились друг с другом –
Твоя сестра и мастер твой.
Работал, жил, имел награды,
Жениться, думал, мне не срок,
Но всю войну стояли рядом
Её станок и мой станок.
Казалось, нет большого горя,
Но получалось, как на грех:
Всегда между собою спорят
Её успех и мой успех.
В столовой, в цехе – всюду вместе,
Сошёлся будто клином свет.
Однажды вижу, брат, в газете
Её портрет и мой портрет.
Про нас ходили слухи тайно,
Но что я мог в ответ сказать?
И как-то встретились случайно
Её глаза, мои глаза.

И вдруг она меня спросила:
«Зачем друг другу портить кровь?»
Вот так, дружок, и получилось –
Её любовь, моя любовь.

И в сознанье токаря, как эхо,
Отдаётся: «Может, вышло так
И у Лиды с Игорем?.. Помехой
Я не буду. Что – привет?.. Пустяк.
Видно, долг приличия, не боле.
Девушки умеют делать вид.
А забуду? Хватит силы воли
Встать на горло собственной любви?..»
Как нарочно, с маленьким блокнотом
Лида пробегает стороной.
На ходу записывает что-то,
Весело кивает головой.
Колоколом медного закала
Цех гудит. Подрагивает грунт.
Скоростное резанье металла
Измеряет долями секунд
Время. И готовые детали
Светлой грудой украшают пол.
Осторожней! Свист горячей стали –
Засмотрелся токарь. Запорол…

X

Открыто комсомольское собранье,
Но тихо в красном уголке:
Успех соревнованья
На волоске.
И Пётр стоит, на милость не надеясь.
Сутул и бледен, хмур и мал…
«Эх ты, сержант-гвардеец!
Ну что, догнал?
Пусть запорол, но слова не нарушу!
Ходил на штурм по десять раз…»
Сверлят родную душу
Десятки глаз.
Сердит комсорг – взволнованная Лида.
Косынку нервно пальцы мнут.
«Замять – так всем обидно,
Ругать – ему…»
Встаёт: – У нас стахановские нормы
Растут буквально по часам.
Но брак – упрямый тормоз –
Мешает нам. –
А тайно думает: «Ты и в атаке,
Наверно, мог спокойней быть.
Не о таком бы браке
Нам говорить!»
– Ну что ж, дать выговор с предупрежденьем,
По-моему – один исход.
Какие есть ещё сужденья? –
И вот встаёт

Серьёзный Игорь: – Да. За брак карают.
Но он едва успел прибыть.
Петра я предлагаю
Предупредить. –
Баженов смотрит, с удивлённым видом,
На Игоря: «Спасибо, брат…»
А тот глядит на Лиду.
Та – на Петра…

XI

На скамейках в центре сквера
Много пар и гул бесед.
Слышу, с внуком пионером
Разговаривает дед.
– Неужели это было?
– Что народ в бараний рог
Гнули? Было. Было, милый,
Было. А не дай бы бог!
Скудных заработков ради,
Вот таким пошёл твой дед.
А отец мой, твой-то прадед,
С десяти. Сто десять лет
Было б прадеду сегодня.
Вот смотри, какой был век,
Да смекай, как шёл к свободе
Наш рабочий человек.
Ты теперь идёшь над Волгой –
Флаги, песни. Хоть куда!
Что сегодня стало долгом,

Было подвигом тогда.
Есть у Горького Максима
Книга под названьем «Мать».
Будет, внук, незаменима,
Стоит только прочитать.
Мы с ним, милый, одногодки.
Он любил нас, усачей.
По делам, да по походке
Узнавал сормовичей… –
И старик, пристукнув тростью,
Бороды разгладив шёлк,
Словно разминая кости,
Вдоль скамеечки прошёл:
– Нынче, внучек, слава богу,
Не поётся песня та:
«Сормовска Больша дорога
Вся слезами залита…»

XII

Над Сормовом тучи взорваны,
Прорубь неба видна без дна.
По самые крыши Сормову
Звонких песен волна: весна.

Над Сормовом листик сорванный,
В прошлогодней своей красе,
Вспорхнул, задрожал над Сормовом
И упал на асфальт шоссе.

По Сормову в обе стороны,
От трамвая, от каланчи,
Прогуливаются по Сормову
Гладко выбритые сормовичи.

По Сормову вихрь мажорного
Танца юных ребят, девчат,
И глядят ветераны Сормова,
Старики глядят на внучат!

XIII

На Волге ледоход. Кружатся льдины
Под молодой большой оркестр весны,
То к берегам, то вновь на середину,
Как будто ропщут: берега тесны.
А облаков крылатые становья
Кочуют в небе. Птичий перезвон.
Дежурные ОСВОДа наготове,
Электросваркой светится затон.
И значит, скоро на просторы русской
Реки уйдут суда. Их путь далёк.
Счастливый путь! Суда готовы к спуску
По новым нормам, в небывалый срок.
Мартенов дымы, как густые гривы,
Взлохмачены на солнечном ветру.
Пётр в дали смотрит с волжского обрыва,
И дали улыбаются Петру.
Железный мост в лучах красив и розов.
Гудит в пролётах. И большой состав

За сормовским зелёным паровозом
Бежит, бежит – и не видать хвоста.
А солнце греет. Золотая россыпь
Играет на воде.
Проходит лёд.
Вот кто-то прыгнул на берег (курносый),
И чьё-то детство к Каспию плывёт.
И токарь улыбается устало.
Ещё гудит от шума в голове.
Сегодня полторы за смену дал он,
А, стало быть, он может дать и две.
И три. И пять. Хорошая погода!
И настроенье. Только Лиды нет…
«Но стану первым токарем завода,
Чтобы ей всё твердило обо мне».

Пора на свадьбу. Не придёшь – угроза
Обидеть и сестру, и жениха.
А лучше б кончить «Белую берёзу»
Иль во Дворец: сегодня будет МХАТ.
И в самом деле, надо ли? Идти ли?
Пить хорошо, когда тоска души,
А он сегодня счастлив.
Первой пылью
Лужайка вздыбилась.
Он не спешит,
Но близок дом. Настолько не далёк он,
Что видно – суетятся у крыльца.
Шагнул ещё – и слышен шум из окон,
О, русские весёлые сердца!

– Молодёжь пошла плясать –
Не отстанем тоже.
Мы не только отдыхать –
И работать можем.

– Если милый говорит:
«Покажи мне фото?»
Я ему: «Иди, смотри
На Доске почёта».

XIV

Нежное пламя окрасило зданья –
Это заволжский рассвет.
– Ну, дорогие мои, до свиданья:
Надо бежать в райсовет.
И в воскресенье нужна даже, словно
Не обойтись без меня.
Только и слышишь: «Федосья Фроловна!»
Прямо ни ночи, ни дня.
– Мама, тебе отдыхать уж пора бы.
(Сын ей в глаза заглянул).
– Нет, раз избрали… Да, знаешь, мы, бабы,
Даже окрепли в войну. –
Петя оделся. – Эх, спать вам да спать бы…
Эй, молодая чета!
Хватит вам нежиться: свадьба – так свадьба! –
Глянул, а спальня пуста.
И ни души. Только дедушка с печки
Высунул клок бороды

И улыбнулся: – Что, Петя, осечка?
Всё-то проспал, милый, ты…–
В памяти смутно детишки предстали.
Кто-то спешил говорить:
– Зоя Ильинична, вы в планетарий
Нас обещали сводить…
Но остальных и не слышал он, вроде.
– Где же отец и Степан?
– Где же?.. Да оба, сынок, на заводе:
Что-то срывается план.
– План?.. Ну, понятно: в цеху паровозном
Букс не хватает опять.
– Эх, токаря… А, по-моему, можно
Сразу обтачивать пять.
– Эх, ведь и верно…
– Да, внучек, подумай.
– Дедушка, я побегу!
Дед приподнялся, но только угрюмо
Вынул щепоть табаку.
У переезда послышался поезд.
И, закряхтев, старина
С печки сошёл, поклонился по пояс
И отошёл от окна…

XV

В судоверфи на ветру бессменном
Постоял. Сам осмотрел суда;
Пошутил, погрелся у мартена
С мастерами жаркого труда;

Прикурил в цеху прокатных станов,
На бригаду разделив «Казбек»;
В паровозном постоял под краном, –
Беспокойный рослый человек.
В первый цех направил шаг саженный,
Руку подал старым токарям.
Улыбнулся: – Это вы Баженов?
– Я, – ответил басом Пётр. А сам,
Поглядев на свежие детали,
Бережно склонился над станком,
Будто из стекла, а не из стали
Вещи под руками.
– Я знаком
С вашим предложеньем. Очень ценно.
В гвардии служили?
– Да. Танкист.
– Как-нибудь зайдите после смены.
Вам учиться надо. –
И станки
Зашумели. Зашептали все тут:
– Славный дядя!
– Умная башка!..
И спросил Баженов у соседа:
– Кто такой?
– Кто он? Парторг ЦК…

XVI

Обгоняя поезд скорый,
Поднимая пыль,
По шоссе в Зелёный город
Жмёт автомобиль.
На дороге ни души нет.
Вот где можно гнать!
Едут четверо в машине,
Едут отдыхать.
Не машина – загляденье.
Бьются кисти штор,
И расстелен на сиденье
Дорогой ковёр.
На шофёра смотрит просто
Скромный пассажир.
Не особенного роста,
Но большой души.
У него, когда из тыла
Всё брала война,
За четыре года было
Два нормальных сна.
И сегодня там, где гуще,
Где быстрее бег,
Всюду этот вездесущий
Умный человек.
На сиденье повернулся
Он: – Ну, молодёжь!
Что, Баженов, улыбнулся?
Впереди идёшь?

– Да, пока…
– Ты что же, Летов,
Вздумал отставать?
Как ты сам глядишь на это?
– Думаю догнать.
– Он приложит все старанья.
– Да, уж ты держись.
– Молодцы! Соревнованье –
Это наша жизнь.
Но беда покамест ваша –
Экономий нет.
От станка по стружке даже –
Паровоз стране.
…По бокам пылит дорога,
Роща, косогор.
– Отдохнули бы немного, –
Говорит шофёр.
А сосед подумал: «Мне бы
Двести лет прожить.
Всё бы видеть это небо,
Слышать шорох ржи.
И вести дорогой славы
Сормовский завод»…
Посмотрел шофёр направо
И убавил ход.
Но сосед взглянул сурово, –
Дескать, не валяй
Дурака. И только слово
Бросил: – Нажимай!..

XVII

Свет выключен. Ночь за окном.
Вся жизнь опрокинута сном.
Лежит позабытым письмом
Луна на столе под стеклом.
Любовь была чистым рассветом
Без ревности, ссоры… и вот…
Но что предпринять, если это
Не числится в плане работ.
От грусти убежища нет.
Шуршит выключатель. И свет,
Как назло, летит на портрет
Петра восемнадцати лет.

XVIII

Сердцу нужно биться,
Но зачем так часто?
Вот сейчас случится
С Лидой повстречаться.
«Для чего-то просит.
Хорошо, зайду я,
Да ещё и взносы,
Кстати, уплачу ей».
Папиросу бросил,
Снова закурил.
Словно в папиросе
Помощь находил.
Сердце от восторга
Захлебнулось снова:
Комната комсорга

Лиды Ивановой.
И не мог начать он,
Вроде робким не был, –
Шёлковое платье
Цвета глаз и неба.
Но глаза упрямы,
Рот красив, да нем.
И у сердца прямо –
ВЛКСМ.
– Грамоту обкома
Вам вручат сегодня…
«Как в нём всё знакомо!
Как он брови поднял!
Встать бы, крикнуть: Петя!
Милый мой, хороший!
Ты один на свете
Всех мне, всех дороже!»
Со стола со вздохом
Ведомость берёт…
Что-то пишет плохо
Новое перо…
Петя улыбнулся,
И перо упало.
Он к столу нагнулся,
А она привстала.
Снова оба верят
И в любовь, и в счастье…
Вдруг открыты двери,
Входит Игорь: – Здрасте!..

Ну, идёмте, Петя,
По пути нам… всем, –
Тихо в комитете
ВЛКСМ.

XIX

– Да, да, войдите, – слышит Пётр Баженов. –
А я вас ждал. – Встаёт парторг ЦК.
И руку жмёт. Он в кителе военном
Похож на комиссара их полка.
Тот был седой, с бессонными глазами,
Чудесный человек и командир.
Однажды в перерыв между боями
Вот так же он читал «Войну и мир»…
– Читали, токарь? Да… недаром Ленин
Любил Толстого, много раз читал.
Ну, вот возьмите ваше заявленье.
– Вы подписали?
– Нет, не подписал.
Да, я не подписал по той причине,
Что смысла нет – вам покидать завод.
Вы слышали о сормовском почине?..
Над вами шефство инженер берёт.
В теории и практике помогут.
Помогут встать…
– Спасибо. Очень рад…
– Помогут встать на нужную дорогу:
Доска почёта – лучший аттестат…

XX

День проснулся. Утренняя смена.
Сотни струй слились в один поток.
Пропуск подаёт старик Баженов,
И вахтёр берёт под козырёк!
А Баженов повернул направо –
В паровозный цех. Привычный путь!
Он у зеркала заводской славы
Даже приосанился чуть-чуть.

XXI

Сормовской чеканки поезда
Обдают парами утро.
И гудок звучит легко и мудро,
Как прелюдия труда.
И гудки со всех сторон,
Словно эхо, раздаются долго.
Может, это вторит «Краснодон»,
Может, поднялась «Большая Волга»*.
Вижу, важно замедляет шаг
Старый сормовский рабочий.
Значит, он взволнован очень,
Если мимо сыплется табак.
В блеске солнечных лучей
Встало бывшее рабочее предместье.
Славят вновь сормовичей
Из Москвы «последние известья».

---

* Названия судов, построенных на заводе.

Молча слушают сормовичи
И шагают быстро, быстро.
Снова им Совет Министров
Знамя красное вручит.
Верю, увенчаются года
Самой долгожданной яркой датой,
Потому что крепко сжаты
Пальцы дней в кулак труда.

1948 год

НОВАЯ ГВИНЕЯ*

Глава I

Не в блиндаже, сыром и тесном,
Не у трескучего костра
Узором струек бестелесных
Змеилась едкая махра;
Не в час минутного привала
И не в бою под градом пуль
Она, кружась, напоминала
О славе отшумевших бурь,
В просторном зале, у старинной
Непробиваемой стены,
Покрытой ветхой паутиной,
Средневековой тишины.
Был фольварк** зданьем медсанбата,
А у широкого окна
Полой зелёного халата
Махала шумная весна.

---

* Печатается по рукописному тексту, переписанному сормовским поэтом А.С. Колесовым с авторского оригинала.

**Фольварк – мыза, усадьба, помещичье хозяйство.

Лежали грустные солдаты:
Для них закончилась война.
Неповторимые минуты!
Незабываемые дни! –
Не маскируются огни,
Москва оглохла от салютов.
Уткнувшись в дым, как будто в ворот,
Взвив белый флаг под облака,
Парламентёром каждый город
Ждал у обочин большака.
По тем местам, где шёл Суворов,
Шли краснозвёздные войска.
Откинуты к затылку каски,
Ничем не выбить русский клин.
Всех перекрёстков все указки
Провозглашают: «На Берлин!»
Ещё сильна глухим раскатом
Войны железная струна…
Лежали грустные солдаты:
Для них закончилась война.

– Эх, жаль, на улицы Берлина
Ворваться первым не пришлось, –
Вздохнул ефрейтор-пехотинец,
Бедовый хлопец – украинец,
Так тяжело, что хуже слёз.

И не тая своей обиды,
Танкист с рукою перебитой
Продолжил: – Как же не грустить:
Планетам хоть даны орбиты,
Но нам не скованы пути.
Нигде ещё так не богаты
Путями, судьбами, как мы.
И надо ж ковырнуть, проклятой!
Теперь валяйся до зимы.
Наверно, каждый день любимой
Сулит неслыханных забот:
Искать меня в шеренгах рот,
С победой проходящих мимо.
И сбросив одеяло: – Жарко! –
Он снова тяжело вздохнул,
Присел на койку и цигарку
На полгазеты завернул.
– Мечтал и думал: буду я
Художник – баталист.
Три года шлялся в студию, –
Проговорил танкист. –
И вот тебе, пожалуйста:
Какой художник я.
Иди хоть чёрту жалуйся –
Рука, а не моя.
Война… ну что ж поделаешь.
Хотел с собой кончать,
А надо, видно, левую
К работе приучать. –

И плюнул зло танкист кудрявый
И тоже жадно закурил,
Пошевелив рукою правой,
Как будто в знак того, что правду
Друзьям угрюмым говорил.

И все тревожно и печально,
Томясь тоской первоначальной,
Уставились меж пышных штор
В шумящий голубой простор…
Вдруг узел гордиев молчанья
Рассёк решительный майор:
– Вопрос действительно больной,
И все решают втихомолку.
Ещё вчера не знал я толком,
Куда пойду с одной ногой.
Сквозь шум станков и зов весны
Я слышу сердцу дорогое –
Как эхо горестной войны
Смолкает в гуле новостроек.
Я вижу: зацветает вновь
Войной обугленная зелень,
И всё смеётся – прах и кровь –
Идёт волна восстановленья.
Затянутся следы осколков,
Воронки обрастут травой…
И всё равно не знаю толком,
Куда идти с одной ногой.
А жизнь мила и дорога,

Как овдовевшая нога…
Махорка в воздухе застыла…
Тряхнув седою головой,
Закинув руки за затылок,
Майор смотрел перед собой.
Наверно, тысячи событий
Перед глазами пронеслись.
– Степан Петрович, расскажите
О вашей жизни.
– Жизнь, как жизнь.
Учился, шёл прямой дорогой,
Трудился, радовался, пел,
Со школьных лет мечтал о многом,
А сделать-то и не успел.
Одно досадно: не сумею
Мечту свою осуществить –
Хотел я Новую Гвинею
От рабских пут освободить…
Сны, волновавшие когда-то, –
Он смял окурок. – А в палату,
Свежа, как утро, и шустра
Влетела ласточкой сестра:
– Вы всё не спите? Ох, ребята.
– И в самом деле – спать пора.
– А накурили – как в тумане,
В дыму растаял абажур.
– Ну что ж, орлы, коль скучно станет,
Пожалуй, после расскажу.
За дверью ровно шесть пробило:

Весенний майский ранний час.
Заря, как красные чернила,
По шёлку неба разлилась.
И ночь, подобно кораблю,
Оставив за кормой планету,
Прочь уплывала от рассвета.
В такой же час далёко где-то
Я в первый раз сказал: «Люблю…»
Кряхтя, ворочались солдаты,
А у широкого окна
Полой зелёного халата
Махала шумная весна.

Глава II

– Я никогда не знал отца,
Но мать прекрасно помню.
Кто остановит сорванца? –
Всё было нипочём мне.
Невозмутимая пора:
Ни горя, ни заботы.
Друзья с соседнего двора,
Игрой сменяется игра,
Кинжалы, пики и «ура!» –
Всё это с самого утра
И до седьмого пота.
Неугомонные деньки:
Чужие огороды,

Царапины и синяки,
Чечёток полные цапки*
На рваных валенках коньки
И кутерьма на льду реки,
И лыжные походы.
Благословенные года –
Отцовское наследство.
Большая вешняя вода
И самодельные суда, –
Всё, что так мило навсегда,
Что не вернётся никогда
И что зовётся детством.

Придёшь домой, а дома мать…
Едва ли кто так сможет
Нравоученье прочитать,
И подзатыльник сходу дать,
И уложить раздетым спать…
И ей сгрубить или смолчать –
Ни-ни… избави Боже.
Как много счастья у людей
От ласки материнской!
Не знаю, есть ли что сильней
Любви родимых матерей:
Они возлюбленных детей
Взлелеют до последних дней,
Достанут из глубин морей
Тоскою исполинской.

---

* Цапки – западня в виде клетки для ловли птиц.

Но до конца не всем даны
Такие дни с излишком.
И детства радужные сны
Кончаются, как книжки.
Не обязательно должны
Мы стать усаты и сильны,
Но обязательно должны
Сменять на длинные штаны
Короткие штанишки.

Приходит горе как-то вдруг,
Непрошено и властно.
И ты присядешь на сундук
И ощутишь внезапно, вдруг,
Прикосновенье нежных рук…
И слышишь только сердца звук
Да звон в ушах неясный.
Как утро, неизбежна смерть,
Темна, подобно ночи.
Глаза, раскрытые, как дверь,
Как много говорят, поверь;
Попробуй-ка, всю боль измерь:
«С кем ты останешься теперь,
Как будешь жить, сыночек?»
Руками вскинув, умерла
Пронзительно и гулко…
На память мне передала
Отцовскую шкатулку.
И было слёз в ту ночь не счесть

В тиши невыносимой:
Всему замена в жизни есть,
Но мать незаменима.

Стоял я молча до рассвета,
Держа в руках шкатулку эту,
Прижавши к сердцу своему.
Её отец пронёс полсвета
В военных грозах и в дыму.
Перед солдатскою кончиной,
Упав от вражьего огня,
Он завещал её для сына,
Для сына… значит, для меня.
Дрожащим сердцем пламенея,
Раскрыл и сжал в ладонях рук… –
На карте Новая Гвинея,
Похожая на кенгуру.
И, как отцовские мечты, я
Прочёл, заметные едва,
Подобно кличу – боевые,
Простые, близкие слова:
«И если гром великий грянет
Над сворой псов и палачей,
Для нас всё так же солнце станет
Светить огнём своих лучей».
И их нести до дней последних
В скупом молчании, без слов,
Поклялся я, его наследник, –
Степан Петрович Удалов.
А утро – в полный рост – вставало,

И солнышко лучом косым
На листьях быстро осушало,
Как слёзы, капельки росы.
И, бросив с грустью незнакомой
На тихий двор прощальный взгляд,
Ушёл я из родного дома
Туда, куда глаза глядят…

Глава III

– Весь белый свет лежал, как скатерть,
Без тропок и дорог.
Гвинею Новую на карте
Я позабыть не мог.
Её, как золотоискатель
Свой золотой песок,
Я, сжав в мальчишеские руки,
Держал в карманах брюк.
Прощайте, северные вьюги!
Прощай, мой лучший друг!
Гвинея быть должна на юге,
И я махнул на юг!
Что ждёт меня? Какие встречи?
Чему я буду рад?
Мелькали в зелени, как печи,
Квадраты белых хат.
Одесса вспыхнула под вечер
Огнём жилых громад.
Широким, тихим было море,
Как русская душа.

Вся жизнь моя должна быть в сборе,
Мила и хороша.
А я постиг второе горе –
Ни дома, ни гроша.
И вдруг подскакивает хлюст,
И тоном командира,
Похожий – в позе – на судью:
«Ты чей?» – «Советским вырос…»
Задир я жутко не терплю,
Хоть был и сам задирой.
«Откуда? – повышая тон, –
Иль быть тебе уродом!»
Я говорю ему: «Не тронь…»
А он тесней подходит.
Тогда я сжал свою ладонь
И – хвать! – под подбородок…
Упал приятель мой, как пласт.
Ещё мальчишек груда
Бежит: «Эх, мы тебе сейчас…»
«Постойте, вы, верблюды!..
Пойдёшь со мной?» – А поздний час…
«Пойду» – «Так Петькой будешь».

Вожак привёл нас на чердак,
Его все звали Начем.
Легли мы на пол. Что ж, итак,
Я жизнь другую начал.
Но я решил: «Пусть будет так,
Когда нельзя иначе…»
Нас разбудили поутру.

Всем дав по бутерброду,
Проталкивая нас в дыру,
Как будто мимоходом,
Нач говорит: «Я отопру.
Вы – цап-царап – и ходу!»
А остальное всё, что было,
Прошло, как в страшном сне:
Я побежал, догнали, били
Ногами по спине.
Лишь помню: «Не воруй!» – твердили
Излупленному мне.

Глава IV

Проснулся, в окнах – неба синь,
На койках – белизна простынь.
Мелькнула мысль: в больнице.
Но вижу, на меня глядят
Лихих, отчаянных ребят
Сочувственные лица.
В одних глазах прочесть я мог:
«Мол, что, попался, паренёк!
Скрывать, мол, не пытайся».
В других читаю: «Не горюй.
Мол, воровать-то ты воруй,
Да, чур! Не попадайся».
«Тебе подобны были мы,
И нас бы ждал позор тюрьмы, –
В глазах читаю третьих, –
И ты, увидев массу дел,

Честнее выберешь удел
Себе на белом свете».

В мозги вползала, как змея,
Душила, как истома,
Шальная мысль: отныне я –
Воспитанник детдома.
От боли я закрыл глаза
И губы сжал упрямо,
И будто даже вслух сказал:
«Ох, мама, мама, мама!..»
И задрожал я сердцем, весь
Терзаемый, томимый:
Всему замена в жизни есть,
Но мать незаменима.
Как одинок я! Как жесток
Весь мир в суровых красках!
И сколько мне пройти дорог
Без материнской ласки!

Хотя б нашёлся верный друг!
Какая это радость –
Смотреть на всё, что есть вокруг,
Имея друга рядом.
И вдруг я слышу: кто-то стал
Над койкой наклоняться;
Открыл глаза и увидал
Девчонку лет в двенадцать.
Глаза – что редко у людей, –
Под цвет бордовой туши,

В которых можно разглядеть
Бесхитростную душу.
Она стояла надо мной,
И рук моих без спроса
Коснулись лентой голубой
Ореховые косы.
Она на несколько минут
Сестрой мне показалась
И, смело руку протянув,
«Давай дружить!» – сказала…

Глава V

– Не привелось мне слушать сказок
Из бабушкиных уст,
А материнские наказы
Я помню наизусть.
Но как подчас бывает нужно
Тому, кто бос и сир,
От горькой правды жизни трудной
Уйти в нездешний мир;
Среди лесов, густых и древних,
По сказочной стране
Скакать с мечом к морской царевне
На горбунке-коне;
Иль, не сдаваясь всем мытарствам,
Искать во тьме ходы
По заколдованному царству
Неведомых владык.
Но не пришлось мне слушать сказок

Из бабушкиных уст,
А материнские наказы
Я помню наизусть.

И не забыть мне, как, немея,
Дослушал я урок,
Когда про Новую Гвинею
Закончил педагог.
Так вот какая ты, не знал я,
Зелёная страна,
В которой даже о металлах,
Не знают племена.
И часто, часто ночью вьюжной
Мне снился дивный край
С густой растительностью южной
И тихой речкой Флай.
И эвкалиптов тень в саваннах,
Не знающих границ,
Сливалась с образом престранным
Чудесных райских птиц.
И всё сильнее час от часу
Была шальная прыть –
Бежать к далёким папуасам,
Чтоб научить их жить.
И так же были неизменны
Волшебные мечты,
Как с вековой холодной пеной
Горбатые хребты.

И я, согласно дружбе, правил,
Взяв клятвенный обет,
Моей подруге верной, Клаве,
Поведал мой секрет…

Глава VI

Густою веткой у окна
Моргая, как спросонья,
Стояла ночь, темным-темна:
Не видно и ладони.
Но я подальше от огня
Застыл, и было слышно,
Как на ветру, схватить меня
Сговаривались вишни.
И я тогда в ночном саду
Себя не тешил ложью:
Как ярким светом темноту,
Пронзало сердце дрожью.
Но, вместе с тем, дышала грудь,
Отвагой пламенея,
И рисовал я в мыслях путь
На Новую Гвинею.
Вот-вот послышится сейчас
Знакомый, близкий шорох…
Но даже в доме свет погас,
И, значит, утро скоро.
Проверив целость сухарей,
Набитых по карманам,
Один решился я – скорей

К земле обетованной.
Маршрут мой знала лишь она,
И я не знал погони.
А ночь была темным-темна:
Не видно и ладони.

Я шёл, и всё без перемен:
Ни звёзд и ни дороги.
Но до лодыжек, до колен
Куда-то вязли ноги.
Налево грязь, направо грязь,
Кругом такая слякоть,
Что лучше, может быть, упасть,
Закрыть глаза, заплакать.
Но возвратиться, чтобы стать
Объектом всех насмешек…–
Нет! Ни за что! И вот опять
Путь без огней и вешек.
И вдруг в степи ритмичный такт,
Свет, как прожектор в небе,
Мне осветил желанный тракт,
Прямой, как детский жребий.
Ура! Дорогу на вокзал
Теперь найду наверно.
Всё ближе ярких фар глаза
В подёргиванье нервном.
И где буксуя по грязи,
Где прыгая, как заяц,
Летел по тракту лимузин,
Едва земли касаясь.

И встал он около меня.
Шофёр отбросил дверцу:
«Ты что же, братец? А!?» – Но я
Молчал с упавшим сердцем…

И снова яркий, яркий свет,
И снова всё знакомо:
Велик мне скромный кабинет
Директора детдома.
Смотрели добрые глаза
И строго, и сурово.
И я всё то, что он сказал,
Запомнил слово в слово:
«Что, путешественник? Хорош!..
Ругать я не намерен,
А глупость бегства сам поймёшь,
И в этом я уверен.
В одно мечты у нас с тобой
Идут, как параллели:
Наметил цель перед собой –
Достигни этой цели.
Но чтоб поднять на бой людей
На острове Гвинея,
Сначала нужно овладеть
Передовой идеей.
Гвинейский житель не привык
Ни к пушкам, ни к металлу,
И папуасский их язык
Изучен очень мало.

А чтоб расширить в той стране
Культурные границы,
Ещё, дружок, тебе и мне
Учиться да учиться.
Когда-то ведь и я мечтал:
Америка, индейцы…
Но так отец мне настегал –
Забудь и не надейся.
А твой бы кончился побег
Таким же детским домом…
Быть может, хочется тебе
К директору другому?»
Но вспомнив Клавины глаза,
В своих мечтах разбитый,
Я с дрожью в голосе сказал:
«Иван Кузьмич, простите».

Глава VII

Так под крылом родной земли
Я, без семьи и рода,
Рос, как в семье, а годы шли:
Ведь годы не уроды.
С тех пор до самого конца,
Пропахшую клопами,
Шкатулку я – завет отца –
Уже храню, как память.
А Клава… Редкий консонанс
В звучанье наших душ был.
И всё сильней в любовь у нас
Перерастала дружба.

И вот настал желанный день,
И нам – по восемнадцать.
Но омрачала лица тень
Досады – расставаться.
Она стремилась в институт,
Чтоб выйти в педагоги,
А я иное думал. Тут
И разошлись дороги.
Коль все дороги хороши,
Легко ли делать выбор!
За это, право, от души
Родной стране спасибо.

Но кем же, кем же в жизни стать,
Чтоб всей дальнейшей жизнью,
Как милую вторую мать,
Благодарить Отчизну.
Чтоб ей достойно отплатить -
По долгу комсомольца,
Я в тот же год пошёл служить
Солдатом – добровольцем.
Когда сказали «Выбирай!»
Я, вспомнив про Гвинею,
Решил: Дальневосточный край –
Чтоб быть поближе с нею.
И вышедшую провожать
Впервые – не забуду –
Спросил я Клаву:
«Будешь ждать?»
Она мне твёрдо: «Буду!»

И в первый раз пришлось мрачнеть
Глазам бордовой туши,
В которых можно разглядеть
Волнующую душу.

Глава VIII

Как три шага, ещё три года
К большой войне проделал мир.
Мне дали должность помкомвзвода
И званье – младший командир.
Мы в августе благоуханном
Шли сквозь дремучую тайгу
Навстречу наглому врагу,
Мутившему покой Хасана.
Уже в просвет виднелись сопки
На расцветающей земле,
Как опрокинутые стопки,
Без дна, на праздничном столе.
И был вдали Хасан спокойный
Покрыт, как зеркало-трюмо
В притихшем доме, где покойник,
Тумана белой простынёй.
Ясна задача всем. И сразу,
Пока туман и густ, и свеж,
Солдаты, верные приказу,
Походный заняли рубеж.

И началось! И мы под пули
Вперёд рванулись напролом.

Луга и сопки потонули
В артиллерийском мощном гуле,
И всё шумело, будто улей,
Вдруг потревоженный огнём.
И были мы не люди – ветер…,
Когда приходится забыть,
Что ты живёшь на белом свете,
Что может ранить иль убить.
Казалось, только и манили
Подножья огненных высот,
И из чудесных слов, что были,
В тот час единственные жили:
«Ура! За Родину! Вперёд!»
…Разрыв, паденье, тишина…
Но я уже увидел сопки,
Как опрокинутые стопки
Со славой, выпитой до дна.

Глава IX

Москва… Ряды зелёных елей,
Под каблуками – звонкость плит.
И древний Кремль под цвет шинели,
И мавзолей, где вождь лежит.
Я чётко помню и поныне,
Как в том же памятном году
Михал Иванович Калинин
Вручал мне «Красную Звезду».
Всю Родину хотел обнять я,
Как вся она ни велика!..

Тепло его рукопожатья
Поныне чувствует рука.
…Уж и не помню, как я вышел
На площадь около Кремля,
Но словно на голову выше
Я стал. И вся моя земля
Лежала радостней и шире,
Живя в азарте трудовом, –
Моя единственная в мире,
Моя судьба, мой кровный дом.

…Экспресс. Одесса. Дом направо.
Волнуясь, робко постучал –
К моей груди припала Клава
Теплом овального плеча.
И кто бы слушал – не подслушал:
Я понял преданность без слов.
И грусть в глазах бордовой туши
Слезами радости смело.
Оторвалась, чтоб наглядеться,
И снова крепко обняла,
Как будто все стремленья сердца
Она по ритму поняла.

Глава X

Какое это зданье будет,
Когда легко и горячо
Не ты один, а масса, люди
Кладут кирпич за кирпичом.
Нас ободрял товарищ Сталин.

И мы, трудясь плечом к плечу,
Всей братской дружбой придавали
Такую крепость кирпичу!
Мы не достроили: несчастье
Нахлынуло лавиной бед.
Но стройка эта – наше счастье,
Фундамент нынешних побед.

…Клубком свернулся сын в кроватке,
Жена с улыбкою спала;
И счастье не играло в прятки,
И жизнь, разбитая на грядки
Труда и сна, своим порядком,
Как майские сады цвела.
Вдруг шум мотора в небе вязком:
«Жена, послушай! Посмотри!..» –
Сквозь неба синюю повязку
Просачивалась кровь зари.
Гнев клокотал во всём народе.
«Встань и спаси!» – взывала Русь.
Врачи сказали мне: не годен.
Но я решил, что пригожусь.
Война под дымовой завесой
Стелила вглубь кровавый путь;
И в ополченье под Одессой
Я с ней сошёлся грудь о грудь.

Уже давно мы не считали
Число психических атак,
И стены дырами зияли,

Как решето. «Так как же так,
Иван Кузьмич?» Здесь дело в том,
Что получилось, как не редко
В войну бывало: мой директор
Со мной отстаивал детдом.
«Вот, милый, так. Враги наглеют,
Гляди: опять за ратью рать…
А ты на Новую Гвинею
Хотел когда-то убежать».
«Да что вы… Новая Гвинея…
Пора бы, кажется, забыть.
А всё ж когда мечту имеешь,
И веселей, и легче жить.
Но Родина дороже мне
В сто крат, чем Новая Гвинея…»
«Вот этим-то в любой войне
Мы всех врагов своих сильнее».
…Под дом, как бык, боднула мина.
«Иван Кузьмич, вам не помочь?»
Но что-то мне кольнуло в спину,
И будто наступила ночь…
В глазах темнее и темнее…
Смешалась кровь из наших ран…
А где-то Новую Гвинею
Баюкал Тихий Океан.

Глава XI

Со славой шла по всем фронтам
Отчаянная юность.
И в мире все, подобно нам,
Кровавый счёт кровавым дням
Вели с конца июня.
Врага сжимал, как тяжкий пресс,
Напор гвардейских армий.
Пройдя по Польше в январе,
Мы утвердились на бугре,
На Одерском плацдарме.
Душа солдатская рвалась
К победе неуклонно.
И в предрассветный тихий час
Был дан решительный приказ
Стрелковым батальонам.
Сигнал… и люди, и столбы
Взметнулись над землёю;
«Катюши» встали на дыбы,
И вырастали, как грибы,
Бойцы на поле боя.
Не выдержал и дрогнул враг.
Шумело наше знамя.
Дорога – прямо на рейхстаг…
А я неверный сделал шаг
И потерял сознанье…

Вот-вот окончится война,
Но по сию минутку

Не представляю: где жена,
Жива ли, милая, она,
И жив ли мой малютка.
А вы тоскуете, друзья:
Дивчина молодая
В плену…
Рука, да не моя…
Да разве это горе? – я
И то не унываю».

Глава XII

Майор умолк. В палату снова
Влетела ласточкой сестра:
«Письмо майору Удалову,
Получено ещё вчера…»
Он взял измятый треугольник
Дрожащей, нервною рукой
И раза три прочёл невольно
Обратный адрес под чертой.
Потом, стараясь скрыть волненье,
Он повертел письмо в руке,
Как вертят перед наступленьем
Связным доставленный пакет.
Раскрыл. И лоб наморщив хмуро,
Глаз долго, долго не казал…
На штамп «Проверено цензурой»
Упала крупная слеза.
И украинец, дрогнув бровью,
Сказал по поводу письма:

«А говорил, Степан Петрович,
Никого у тоби нема».

«В любой беде солдат не мастер
Лить слёзы», – поддержал танкист.
«Действительно, ребята, счастье.
Прочесть?» – и он расправил лист.

«Мой милый Стёпа, значит, счастье
Ещё не бросило меня.
Слова письма из вашей части
В ушах, как колокол, звенят:
Живой! Живой! Какая радость –
Тебя живым увидеть вновь!
Вот величайшая награда
За нашу верность и любовь.
Прости мою сентиментальность,
Но есть такой момент в судьбе,
Когда тоску ночей печальных
Не в силах сдерживать в себе.
Я слышала: ты сильно ранен,
Но я здорова… приезжай,
Увидишь мощь людских стараний,
Преобразующих свой край.
Быть может, ты сомнений полон,
Но знай, с тобой повсюду я,
И помни: у тебя семья…
Вот только что пришёл из школы
Сынишка – копия твоя.

Достойный у тебя наследник:
Как ты, мечтает о борьбе.
Бежит играть во двор соседний
И просит написать тебе:
«Пусть едет папка поскорее,
Я брошу всякую игру –
И буду слушать про Гвинею,
Похожую на кенгуру…»

За дверью ровно шесть пробило –
Весенний майский ранний час.
Заря, как красные чернила,
По шёлку неба разлилась.
И ночь, подобно кораблю,
Оставив за кормой планету,
Прочь уплывала от рассвета.
В такой же час далёко где-то
Я в первый раз сказал: «Люблю…»
И было радостно солдатам,
Что у широкого окна
Полой зелёного халата
Махала шумная весна.

КАПЛЯ МЁДУ

1

Вниз по Волге-реке
Меж крутых берегов
Шёл в дневном холодке
Пароход «Пирогов».

Разрывал тишину
Властный окрик гудка,
И во всю ширину
Раздавалась река.

Ветру лень было дуть –
Озеркалена гладь.
А кудряшки!.. Коснись –
И они зазвенят…

С криком чайки вились
Над могучей кормой,
В пене волны неслись –
Вслед волна за волной.

Но вдали они – где?
Там смыкалась вода,
И опять на воде
Никакого следа.

Невесёлую мысль
Навевал пароход:
«Неужели и жизнь
Так бесследно пройдёт?

Так чего ж? Только шаг
И – бултых, не дыши…»
Одиночество – враг
Потрясённой души!

Слышишь, Лена? А ну –
Отойди от перил!..
Каплю влаги в волну
Дождь, как пулю, влепил.

2

Глухо воды текли,
Шевеля камыши,
Вдоль по берегу шли
Две счастливых души.

Шелест плыл по садам,
Нефтью пахла река,

И ступал по следам
Лёгкий шелест песка.

Чёрной тушью – вода,
Бакен – точно во сне.
Чуть слезилась звезда,
Кувыркаясь в волне.

И вокруг, что ни шаг,
Всё темней и свежей.
Коля скинул пиджак,
Отдал Лене своей.

Дескать, вей, ветерок,
Пробирай, холодок, –
Холода нипочём,
Если люди вдвоём!

Вся любовь впереди,
Как заря над рекой,
Билось сердце в груди,
Словно эхо – в другой.

Им светили огни,
Колыхаясь в воде,
И не знали они
О грядущей беде. –

Что у дальних границ,
Тупо целясь в рассвет,
Пряча лязг гусениц,
Танки шли по траве.

Что взрывная волна
Обняла города.
И, приказу верна,
К нам ввалилась орда.

Но пока далеко,
Всё незримо пока.
Им дышалось легко,
Их ласкала река.

И слова не нужны,
Если ясно без слов.
А над городом – сны,
Сотни праведных снов…

3

Засиял эшелон
Сразу сотнями звёзд.
Лене так тяжело
От нахлынувших слёз.

Не при ней ли пришёл
На завод сирота…
Без тебя, Комсомол,
Не сбылась бы мечта.

Грохот.
Волга.
Апрель.
– Ну так вот, Николай,
Прежде семь раз отмерь,
А потом – отрезай.

На носу заруби
И на лбу напиши.
Да металл полюби,
Да побольше души.

Мастер крикнул в упор:
– Ну! – и обнял птенца.
Иншакову с тех пор
Был он вместо отца.

Хорошо было встать
У чугунной плиты
И в металл облекать
Человечьи мечты.

Бьёшь по кницам, листам,
Чуть их носишь…
и вдруг
Поплывёт по волнам
Дело собственных рук.

Доведётся ли вновь
Прикоснуться к тому,
Без чего и любовь
Не в охоту ему?

Без чего не полна
И не красочна жизнь…
Вой сирены. Война…
– Ну, родная, держись!..

Сжал он руку в руке,
Покачнулся вокзал.
Пронеслась по щеке
Метеором слеза.

Сел в вагон. Рёв гудка.
И полсотни юнцов
Приняла «Ермака»,
Как наследье отцов.

И ушёл эшелон,
Бабьих слёз не щадя.
Опустевший перрон –
Словно после дождя…

4

Третий год. Третий год
Только сон да станки,
Только дом да завод,
Только шаг до тоски.

Но бессильна тоска
Против нежности строк:
Шли на Запад войска,
Письма шли на Восток.

Почтальон подходил –
Выбегала сама,
Прижимала к груди
Треугольник письма.

И любила сильней,
И ждала до конца
В синем свете огней,
С синим цветом лица.

Где ж вы, мирные дни?..
Снится ей: тишина,
Над обрывом в тени
В чёрном платье она.

Беспросветная мгла
Поглотила поля.
Вдруг глядит: поползла
Под ногами земля.

– Помогите! – зовёт,
В пропасть катится, в ночь,
Где-то рядом народ,
Но не может помочь.

Кровь забила в виски,
Вдруг мелькнули на миг
Две знакомых руки
И мозоли на них.

Потянулась рукой,
Ухватилась в ответ,
И она – над рекой,
И опасности нет.

Величава, стройна,
Королева на вид,
В белом платье она,
Как невеста, стоит.

Счастье, дали раздвинь!..
Но где радость лица,
Глаз весенняя синь
И веснушек пыльца?

Ни усов, ни щеки –
Где же, кто же жених?
И опять – две руки
И мозоли на них.

И поют соловьи
На прибрежных кустах
О взаимной любви,
О медовых устах.

Над отчизной – весна,
Мир велик и широк…

…И проснулась она.
Чу! Призывный гудок.
В окнах хмурый рассвет –
Подниматься пора.
Что же брать на обед?
Норму съела вчера…
Ах, от этих забот –
Поскорее в завод!..
Прибежала – как раз
Слышит новый приказ.
Даже слёзы из глаз…

Не могла она знать,
Что отныне и ей
От любимого ждать
Понапрасну вестей.

5

Отшумела война.
Ох, как трудно одной!
Но однажды она
Шла с завода домой.
Возле сложенных шпал,
Где дотаивал снег,
Вдруг её обогнал
Молодой человек.

Посмотрела вослед:
«Боже, что это? Сон?
Нет, не может быть, нет,
Это он! Это – он!
Всё от прядки волос
До подошв, до всего:
И походка, и рост –
Всё его, всё его!
Он!»
Ускорила шаг,
Учащённо дыша.
Потянула слегка
За рукав пиджака.
Обернулся, застыл,
Но нашёлся спросить.
– Обознались? – спросил.
– Ой!.. Прошу извинить…
Только мысли вразброд,
В горле комом слеза.
Перед ней был урод,
Но глаза, но глаза!..
Синь такая ж в них, та,
Что небесной зовём.
К чёрту! К чёрту места,
Где ходили вдвоём.
Не бывает чудес,
Не вернётся весна…
На строительство ГЭС
Попросилась она.

6

Трактор поле вспахал
И засеял зерном,
Где гвардеец упал
С обожжённым лицом.

Не случилось ему,
Мать-Россию любя,
Задыхаясь в дыму,
Класть под танки себя.

Не закрыл он собой
Никаких амбразур –
Просто ринулся в бой
С ППШ на весу.

Мы ушли за кордон,
Мы в Европу внесли
Свет свободы…
А он
Не поднялся с земли.

Не сдаваясь смертям,
В госпитальном бреду
Он кричал по ночам:
– Жди, родная. Приду!..

Сотни дней и ночей –
Как тугое кольцо…
Под ножами врачей
Изменилось лицо.

Вспомнил Лену. Решил:
«Настрочу-ка письмо!..»
Но сперва поспешил
Поглядеться в трюмо.

Подошёл и притих:
Стало горько до слёз –
Ни веснушек былых,
Ни пшеничных волос.

Те ж глаза и виски,
Но под ними – увы! –
Только мяса куски
Да багровые швы.

А у Лены… у ней
Носик – словно литой,
Кожа – шёлка нежней,
И пушок над губой.

Постоял, погрустил,
Пальцы рук теребя,
И глаза опустил,
Чтоб не видеть себя.

Тут не только письмо –
Вся любовь на клочки,
Тут бы плюнуть в трюмо –
Разнести на куски.

Выбрал город другой,
Сердцем крикнул: «Прощай!..»
Эх, ты, друг дорогой,
Николай, Николай.

7

Ой, ты, Волга-река.
Песня русской земли!
Над тобою века
Бурлаками прошли.

Сколько пота и слёз
В твои воды влилось!
Сколько бито врагов
Меж крутых берегов!

Ой, ты, Волга-река,
Слава русской земли!
Над тобой облака,
Над тобой журавли.

От села до села
Серебрится вода, –
Как легенда, светла,
Как весна, молода.

Что ж, живи, не скучай,
Не повешусь с тоски!..
Помрачнел Николай,
С хрустом сжал кулаки.

Парень снял вещмешок
И – развеять тоску –
Точно в детстве, зашёл
По колени в реку.

И умылся водой –
Волжской,
Грешной,
Святой, –

Как водою живой.
И ещё раз рукой
Он провёл по тому
Роковому рубцу, –
По лицу своему,
По чужому лицу.

Не пробиться к мечтам
Одинокой душой.
Но где партия, там
Коммунист – не чужой.

Глянул он на завод,
Что дымил вдалеке,
И улыбка его
Отразилась в реке.

8

Редок шорох шагов:
Общежитие спит.
Николай Иншаков
С папиросой сидит.

Надо много читать,
Жить единой мечтой,
Чтобы делать и знать
Наравне со страной.

Дни, что птицы, летят,
Люди к счастью идут…
Получил аттестат –
Подавай в институт!

Без работы нельзя –
На заочном учись!
Книга – это стезя,
Уводящая ввысь.

… Утром рано вставать –
Не пора ли в кровать?
Но сперва Николай
Окна вытолкнул в май.

Запах лип и, как встарь,
Привкус волжской воды,
Да качался фонарь
Близ Полярной звезды.

В установленный срок
В тыщу окон чуть свет
Постучится гудок –
Беспокойный сосед.

Он руками с друзей
Одеяла сорвёт:
– Шевелись веселей! –
И водой обольёт.
А пока на носках
Мимо храпа друзей
Коля с книгой в руках
Шёл к постели своей…

9

Сбоку Волга свежит,
Сверху солнце печёт.
Сборщик взял чертежи,
Сам проверил расчет.
Подобрал не на страх,
А на совесть листы,
Встал с кувалдой в руках
У чугунной плиты.

И ударил по ним,
По железным листам,
Так, что, кажется, дым
Потянулся к рукам.

За ударом – другой.
И проснулся затон,
И поплыл над рекой
Металлический звон.

Словно улей, гудит
И роится завод,
Даже цехи на вид –
Наподобие сот.

Человек – не пчела:
Но отрадно, друзья,
Знать, что в сотах-делах
Капля мёду – твоя.

Шествуй, праздник весны!..
Всем бы жизнь хороша –
Не хватает жены
Да сынка-малыша.

А прийти бы домой –
Посмеяться с женой,
Повозиться бы с ним,
С ненаглядным, родным…

– Трудовая моя,
Боевая семья.
Дорогой Комсомол!

Я с тобою не зря
Свою юность провёл.

Был я ранен в боях –
И с тех пор коммунист.
Я считаю, что я
Перед Родиной чист.

«Ты постой, коммунист, –
Мысль хлестнула сильней, –
Перед всеми ты чист, –
Чист ли ты перед ней?»

«Перед кем?» –
«Не юли!» –
«Хорошо, не юлю». –
«А теперь похвали
Сам себя». –
«Не хвалю.
Не хвалю. Но при чём
Я здесь? Кто виноват,
Что со страшным лицом
Возвратился солдат?
А такого любить…» –
«Ты постой, а спросил?»
«Нет». –
«Так надо спросить.
Или ты разлюбил?..» –
«Да чего ты пристал?

Ей подобных навряд
Подберёшь и из ста
Миллионов девчат!..
Много было потерь…» –
«Погоди, Николай,
Прежде семь раз отмерь,
А потом – отрезай…» –
«А и верно – рискнём?» –

Он тряхнул головой
И провёл резаком
По черте меловой…

10

Солнце село в леске,
Грузно шёл «Пирогов»
Вверх по Волге-реке
Меж крутых берегов.

Николай – как не он, –
Не сиделось ему:
Из каюты – в салон,
И опять на корму.

Пусть больней тумака
Будет Лены ответ,
Но валять дурака
Больше времени нет.

Иль семейный очаг
И добротные щи,
Иль навек холостяк –
Сам платки полощи.

Только дуры сейчас
Всей душой не поймут:
Человека у нас
Не лицо красит – труд…

Но когда, возле шпал,
Он её обогнал,
И пред ним, смущена,
Извинялась она, –

Вспять пошло колесо
Заготовленных слов,
И чужое лицо,
Словно маска, спасло.

Ни кровинки на нём,
Не подпрыгнула бровь…
Только душу огнём
Опалила любовь.

Только бешеный крик
Зародился в груди.
Но… прикушен язык.
«Слышь, калека! Уйди.

Ну-ка, сам окажись
Ты на месте её!..
Ты ж загубишь ей жизнь,
С сатаной – не житьё…

Вырви с корнем тоску,
Убирайся быстрей:
Не чета васильку
Неказистый репей!..»

И подался солдат
Под занозистый смех
Мимо зданий-громад,
Натыкаясь на всех.

Через горе, в бреду,
Неуклюжий, ничей,
К коллективу, к труду
И к учёбе – скорей…

11

Вездесущий мороз
Натянул провода,
В воду намертво врос –
И застыла вода.

Вгрызся в землю, как крот.
Чу! Скрипит за версту
И без промаха бьёт
Воробьёв на лету.

Оземь шмяк облака –
Вся окрестность бела!..
Но, коль встала река,
Разве жизнь замерла?

Как мороз, разъярясь,
Ни суров, ни сердит,
Всё в кабине, смеясь,
Крановщица сидит.

Только двинет рукой,
И махина – рывок,
И бугор под горой –
Словно чёрт уволок.

Вверх, направо и вниз –
Ковш опять опустел.
Даже кряжистый «ЗИС»
На рессоры присел.

Тут пудами не счесть,
Да и в тонну предел
Не уложится…
                Есть
Упоенье в труде!

На душе хорошо,
Словно черпает, пьёт
Богатырским ковшом
Лена счастье своё…

И не сладит с платком –
На затылке платок.
И в румянце лихом –
Озарение щёк.

Вспоминается ей
Рукоплещущий зал,
Восхищенных парней
Молодые глаза.

Только сердце одно
Выбивает в ответ:
Ухажёров полно,
А любимого – нет.

И нахлынули вновь,
Как стихи, наизусть –
Пресвятая любовь,
Незакатная грусть.

Хоть разок бы взглянуть
На широкую грудь,
Сунуть голову в круг
Плотно сомкнутых рук.

Но, тряхнув головой, –
Мол, не к месту тоска, –
Лена машет рукой,
Разодетой в шелка,

И под говор ладов
Безыскусно поёт:
«Меж крутых бережков
Волга-речка течёт…»

Сцена – полдня светлей!
Притаились ряды,
Словно сотни людей
В рот набрали воды.

И откуда такой
Молодой интерес
К старой песне простой
У строителей ГЭС?
Их дорога опять
Завтра – в холод и снег,
Чтоб моря создавать,
Чтоб забылось вовек,

Что, коль верить словам,
Волга речкой была
И по синим волнам
Лёгка лодка плыла.

… Водит хоботом кран
Вверх, направо и вниз.
Кран идёт в котлован,
Человек – в коммунизм…

12

Злой, свирепый, сквозной
Холод.
Мало того, –
Веет ветер шальной,
Как подручный его,

Снег закрутит в кольцо
И с размаху – злодей! –
Как шарахнет в лицо –
Аж до мозга костей.

То и дело с ресниц
Слёзы падают льдом,
А железа коснись –
Клочья кожи на нём.

Но солдат не таков.
В тёплый ватник одет,
Не уйдёт Иншаков,
Металлист и студент.

Надо драться за мир,
Коли ты Человек,
Чтоб не знать – чёрт возьми! –
Ни сирот, ни калек.

Жги, мороз! Ветер, вей!
Он не бросит плиты,

Чтобы не было войн
И сбывались мечты.

Он бы вечно желал,
Как и весь наш народ,
Рыть не ров, а канал,
И не кровь лить, а пот.

Не в атаку ходить,
А сюда, в судоверфь,
Не страдать, а любить,
Сеять хлеб, а не смерть.

Это было вчера…
А сегодня с утра,
Полон праздничных дум,
После тёплого сна,
Он погладил костюм,
Нацепил ордена,
Лучший галстук надел…
И в двенадцать часов
У доцента сидел
В кабинете «Основ».

Ну, когда ж на «зачёт»
Не ответит солдат
Про один шаг вперёд
И два шага назад?

Чтобы по Ильичу
Нашей партии жить,
Разве всем по плечу
Было в партии быть?

Человек-коммунист
Только тот в наши дни,
Кто и совестью чист
И всегда впереди.

А таких – что ни год –
Весь советский народ,
Величайший отряд,
Потому что идёт
Шаг за шагом вперёд,
Ни полшага назад!..

А сейчас Николай
На откосе стоит.
Ослепительный край,
Возвышающий вид.

Зимний волжский пейзаж –
Нет такого нигде!..
Ба! Красавец-то наш
Ледокол – на воде.

Точно буйвол идёт –
Даже разу не встал!

Разбегается лёд,
Не касаясь винта.

Вон толпа собралась –
Старики, молодёжь:
И слышна похвала:
– Ну и дьявол!
– Хорош!

Николай недвижим.
И воскликнуть бы: вот,
Это сделано им
И друзьями его!..
И – как в дальнем году
Он за трактором шёл –
Побежать бы по льду
Догонять ледокол,
Тот, что шёл напролом
Сквозь восторг тишины…

13

… И пахнуло теплом
Милосердной весны.

Стужа лютая, – сгинь!
Солнце красное, – грей!
О, небесная синь,
Сдобный запах полей!

О, дыханье весны,
Голубой окаём!
Смех и песня – дружны.
Жизнь и радость – вдвоём.

Помогли, как всегда,
В нужный час речники
Первым судорогам льда,
Половодью реки,

И восстала река –
Словно мы в Октябре,
Залила берега –
Будто вся в серебре.

И поплыли суда,
Караваны судов,
И туда и сюда:
На Москву и Ростов.

И один лишь народ
Знал, любуясь рекой,
Что она круглый год
Скоро будет такой!..

Жигули, Жигули –
Царство вешних ветров!
Коммунисты ввели
Лену в члены бюро.

Вон, у дамбы, народ.
Гости – группа ребят
Экипажу сдаёт
Землеройный снаряд.

Замечательный «ЗЕМ»!..
Не уехать им без
Благодарности всем
От строителей ГЭС.

Только надо людей
Поимённо узнать.
Лена рада, что ей
Поручили «слетать».

Сотни, тысячи дум
Навевает река.
Замечательный шум
Слышен издалека.

Серебрится вода,
По которой суда
Приплывают сюда,
Уплывают туда,

Где с темна до темна
Грузят камень и лес…
Так возводит страна
Величайшую ГЭС.

И людей, поглядишь,
Не ахти, но кругом
Взбудоражена тишь
Меж крутых берегов.

Сколько надо бы дней!
Сколько тысяч людей!
Хвать, потрудится кран –
И готов котлован.
Над потоком машин,
Что построились в ряд,
Дружно машут ковши,
Как при встрече друзья.

Вон избушку на слом
Сам обрёк уже дед,
Вон плавучим серпом
Земснаряд на воде.

Это может ли быть?
Постижимо ль уму?
Перемычку намыть –
Только плюнуть ему!..

Сколько света, тепла
Деревням, городам!..
Волга вверх потекла
По тугим проводам.

Лена сбавила шаг.
Гости – вот, перед ней.
Подошла не спеша
К одному из парней.

И спросила она:
– Вы из сборщиков?
– Да.
– А друзей имена
Назовёте?
– Всегда!
– Поимённо? Начнём!
– Иншаков Николай…
– Как? – и сердце вверх дном,
И любовь – через край.
И всё кажется сном…
– Иншаков… есть такой.
Он уродлив лицом,
Но красавец душой.
Ранен был на войне…
– Не женат?
– Холостяк.
(Аж мороз по спине
Пробежал).
– Вот чудак!
Всё – и радость, и гнев –
Сразу в ней поднялось.
И пошла, зазвенев
Завитками волос.

Образумилась лишь
Возле дома она:
«Нет, подружка, шалишь:
А других имена!»

14

Как ни люден завод,
Человек на виду,
Если всё отдаёт
Дорогому – труду.

Словно улей, гудит
И роится завод,
Даже цехи на вид –
Наподобие сот.

Человек – не пчела,
Но отрадно, друзья,
Знать, что в сотах-делах –
Капля мёду твоя!

Даже маленький брак –
Ложка дёгтя в меду.
Человека пора
Узнавать по труду.

Лена, Леночка, стой!
Лена мчится домой.
«Боже, боже ты мой –
Он живой, он живой!

Николаю поклон,
Николаю хвала:
Будь бездельником он –
Я б его не нашла!..
Даже думать боюсь:
Протекли бы года,
Я и радость мою
Не нашла б никогда…

Может тот разлюбить,
Кто любил впопыхах,
Надо счастливо жить,
Коли счастье в руках!..»

Ни белья, ни еды.
Отпуск. Пристань. Народ.
Пресный запах воды,
Звон в ушах…
Пароход
По Самарской луке
Шёл на девичий зов
Вверх по Волге-реке
Меж крутых берегов.

Снова чайки вились
Над могучей кормой.
Снова волны неслись,
Вслед волна за волной.

Но вдали они – где?
Там смыкалась вода,
И опять на воде
Никакого следа.

Только прежнюю мысль
Отвергал пароход:
Нет, не всякая жизнь
Так бесследно пройдёт!..

Сквозь вечернюю синь,
Сквозь разлуку – туда,
На трамвай, на такси –
И к нему. Навсегда.

Ничего не сказав,
Снять в прихожей пальто,
Глянуть другу в глаза,
Несмотря ни на что!..

г. Горький, 1953 год

Я ЗДЕСЬ ЛЮБИЛ

Лирическая поэма

I

Я здесь любил, я здесь мечтал,
Могла любовь, бесспорно,
Будто расплавленный металл,
Принять любую форму.
Не остывая бы, вошла
Во все мозги и жилы.
Какая бы любовь была!
Но так не получилось.
Не знали близости уста
В тени густого сада.
Она во сне лишь да в мечтах
Была со мною рядом.
Но наяву всегда с другим
Она – я знал заране –
К тому, кто дорог и любим,
Спешила на свиданье.
А я, как вор, из-за угла
Смотрел на дом и двери.

И видел, что она прошла,
Но я себе не верил.
Во тьму вечернюю, звеня
И искры рассыпая,
Неслись трамваи, а меня
Тревожил шум трамвая.
На землю хлынула гроза,
И стало вдруг легко мне.
Скатилась по лицу слеза
Иль капля – я не помню.
Но только тучи – видел я –
Упали жидкой дробью.
И мне казалось: скорбь моя
Была земною скорбью.

II

Я здесь любил, я здесь мечтал,
Того уж не воротишь.
Как жаль, что я ещё не знал,
Что ты живёшь напротив.
Верней, я знал, да толку что:
Я видел по привычке
Твоё короткое пальто,
Стоячие косички,
Смешной игрушечный браслет
И пальчики в чернилах –
Тебе всего тринадцать лет,
А может, меньше было.
А я, красивою, другой

Обманут не однажды,
Любя ценою дорогой,
Напрасно встречи жаждал.

III

Я здесь любил, я здесь мечтал.
А в памятную дату
Впервые здесь винтовку взял
И стал простым солдатом.
Нас повезли на запад, в даль,
Окутанную дымом,
Одна у всех была печаль
И ненависть – единой.
В крови родимые края:
Враг полстраны отрезал –
Душа коробилась моя,
Как будто лист железа.
В пылу горячем, боевом,
Последний кончив приступ,
Хотелось мне вернуться в дом,
Подобно Монте-Кристо.
Чтоб, вдруг увидев из окна
Меня хорошим, взрослым,
Хоть раз покаялась она
Во всём, что было в прошлом.
Хоть раз сказала б: «Не грусти,
Не будет расставанья».
И я бы всё ей, всё простил,
Весь холод невниманья…

IV

Я здесь любил, я здесь мечтал,
Писал стихотворенья,
А там, на фронте, выпивал
За день её рожденья.
Любовь, тоску с собой я нёс,
И даже б умер с ними,
И перед смертью произнёс
Её простое имя.
Она, я знаю, не ждала;
Я всё простил гордыне.
И всё ж она со мной была
На Эльбе и в Берлине.

V

Я здесь любил, я здесь мечтал.
И вновь я здесь, как прежде,
Перед её калиткой встал
В волненье и в надежде.
А сердце прыгало в груди,
И мозг томился думой.
Мне кто-то говорил: «Иди!»
Другой шептал: «Не вздумай!»
Я утешался: может быть,
Забыв былые встречи,
Она сумела полюбить
И упадёт на плечи.
Со скрипом дверь открыла мать.
И что услышать хуже,

Как то, что милая гулять
Ушла с любимым мужем.
Всё охватить в тот миг нельзя,
Но счастья не воротишь.
Куда идти? И вспомнил я,
Что ты живёшь напротив.

VI

Я здесь любил, я здесь мечтал,
Грустил в часы рассвета,
Её одну воображал
И думал: лучше нету.
На сердце столько новых чувств,
Горячих и кипучих!
Тебя равнять с ней не хочу:
Дороже ты и лучше.
Встаёт весёлая заря
Торжественным парадом.
Моя хорошая, не зря
Идём с тобою рядом.
Пусть до конца цветущих лет
Не утихают страсти:
Для нас – ликующий рассвет,
Для нас – и жизнь, и счастье!
И каждый листик утру рад,
На солнышке блистая…
Я здесь, как много лет назад,
Опять люблю, мечтаю.

1947 год

ДВАДЦАТЫЙ ЭТАЖ

Эта поэма была дипломной работой Виктора Авдеева на выпускном экзамене в Литературном институте им. А.М. Горького. Государственная комиссия поставила оценку «отлично».

1

Сквозь толщу тумана осени –
Всё выше и всё вперёд –
Струя огневая, с просинью,
Упруго в железо бьёт.

Ещё одна перекладина
Оседлана пареньком, –
И шире в плечах громадина,
И выше высотный дом.

Упёрся тугими сваями
В плиту гранёный каркас.
Ребристые стыки спаяны, –
Хоть всей Москве напоказ.

Но где же Москва былинная?
Ещё не видны пока
Ни Яуза, ни Неглинная,
Ни даже Москва-река.

В лохмотьях тумана росного –
Расколоты пополам
Крестами Ивана Грозного
Церковные купола.

Да где-то за далью сонною
Мрачна, как Наполеон,
Горбится гора Поклонная,
Куда не шли на поклон…

Но вот ясней расстояния,
Острей в овале зари
Величественные здания
И древние монастыри.

Всё мягче прохлада воздуха.
И солнце, слепя до слёз,
Из парка культуры и отдыха
Выходит на Крымский мост.

Шагнуло, низверглось лавою, –
Возьми, ощути рукой… –
И вот она, златоглавая
Москва за Москвой-рекой!..

2

А давно ль парнишка деревенский
С крыши, где «Онегина» учил,
Видел лишь луга да перелески,
Да стрелу пожарной каланчи.

Утром пропадал на рыбной ловле,
Вечером – читальненский уют,
Но и под соломенную кровлю
Он вносил бессонницу свою.

И ночами долгими навеки
Он связал судьбу свою с Москвой,
В светлой Ленинской библиотеке
Перебрал все книги до одной.

Он бы, не страшась, полжизни отдал,
Даже бы пешком проделал путь,
Лишь бы – хоть в любое время года –
На Москву любимую взглянуть.

Правда,
Отступив на пол-России
Вплоть к оборонительному рву,
В сорок первом,
Осенью,
Впервые
Не решился б видеть он Москву.

Было б стыдно…
Город так прекрасен,
А его бомбили день-деньской.
Впрочем, он учился в первом классе
В сорок первом,
А теперь – большой,
Угловатый, кряжистый, окрепший.
А что толку? Шляйся целый день,
Тычься, как подсолнух непрозревший,
О высокий высохший плетень…

3

И вот он с открытым воротом
С торжественной высоты
Любуется древним городом,
Столицей своей мечты.

Не зря любое задание
Строителю по плечу:
В Москве и малое здание –
С пожарную каланчу.

Рассчитано всё до точности:
Дом будет красив на вид,
И что перед ним устойчивость
Египетских пирамид!

Уж делать – так делать здорово!
А даль, а даль – без конца.
Вон вспыхнула грань Садового –
В алмазах окон – кольца.

Аллеями опоясались
Кварталы.
Росистый блеск.
И звёзды от солнца спрятались
За синим щитком небес.

Росное. Светлое. Раннее.
И хлынула за моря,
Как северное сияние,
Рубиновая заря.

Ещё одна перекладина
Оседлана пареньком, –
И шире в плечах громадина,
И выше высотный дом.

Пускай, как доспехи латника,
Сутулят парня сейчас
Свинцовая тяжесть ватника
И синий щиток у глаз, –

Он в шуме многоголосовом
Отлично сварку ведёт.
Наследнику Ломоносова –
Двадцатый год.

4

Скрипели санные полозья,
Курились штопором дымки.
Приплясывая на морозе,
В ладони били мужики.

Не воздух – спирт. И белый, белый
Снег хрупким хворостом хрустел.
И пар валил заиндевелый
От лошадиных тёплых тел.

Пешком, не тратя ни алтына,
За скрипом медленных возов
В рекрутском возрасте детина
Шёл в школу, чтоб начать с азов.

Пушился иней на ресницах,
Но путника бросало в пот:
Он шёл в Москву, он шёл учиться,
И шёл ему двадцатый год…

– Так ты, Михайло, Ломоносов?
Васильев сын? – Васильев сын.
И, больше не задав вопросов,
Дед важно покрутил усы.

– Ты вот что… полезай на рыбу,
Да на тулуп: озяб, поди.
Михайло вымолвил: – Спасибо!..
И что-то дрогнуло в груди.

И может, в ночь ему приснились,
Как всей России торжество,
Им установленные штили
И оды первые его.

И может, он, взволнован снами,
Ещё нашёптывал слова,
Когда зарделась куполами
Москва.

Звенел, гудел, ругался город,
Когда входил в базарный крик
Сын неизвестного помора,
Простой архангельский мужик.

Да он и сам в тот день морозный
Ещё не думал, не гадал,
Что отольют его из бронзы
И вознесут на пьедестал.

5

По аллее, по Тверскому,
Курсом на Арбат,
Шёл парнишка незнакомый,
От мешка горбат.

Без медалей гимнастёрка,
Брюки галифе
Да пилотка, вся потёрта,
Не по голове.

Но зато, чем ближе к цели, –
Хоть считай шаги, –
Вызывающе скрипели,
Пели сапоги.

Гнул к земле мешок заплечный,
И казалось – вот
Каждый встречный-поперечный
Смотрит на него.

Остро пахло краской свежей,
Всё кирпич, кирпич…
Сразу видно, что приезжий…
Да, брат, не москвич!

Да и сам уверен парень:
Так бы и легло
На одном Тверском бульваре
Всё его село.

Нелегко здесь жить, пожалуй,
Сердце, не стучи!
Как его, провинциала,
Примут москвичи?

Не смешон ли парень будет?
Шёл он сам не свой.
А вокруг спешили люди,
А Москва – Москвой.

От дерев – узоров тени.
С каждого угла
Вся Москва по воскресенью
«Правду» понесла.

И беседуя про атом,
Мощь родной земли,
Шли в толпе лауреаты,
Генералы шли.

Добродушные хозяйки,
Как в своей семье,
Не стесняясь, ели сайки
Прямо на скамье.

Было шумно. Было жарко.
Дети – на песке.
Кто-то умную овчарку
Вёл на ремешке.

Над троллейбусом искрились
С треском провода;
Под колёсами дымилась
Волжская вода.

А машин, машин зеркальных!
А людей – река!
А досок мемориальных,
Что ни дом – доска!

И блюстителем порядка –
Сбоку револьвер –
В белых вежливых перчатках
Милиционер.

6

Ночь простучав по воскресенью,
Состав влетал в рассвет, в Москву.
Привычно скашивали тени
С откоса пыльную траву.

В купе плацкартного вагона,
Ещё дожёвывая сон,
Лежала женщина в погонах,
Сидел старик, и рядом – он…

– Учиться, значит? Что ж, бывает, –
Промолвил пожилой сосед. –
Горшки не боги обжигают.
Учись, сынок: ученье – свет.
Я тоже вот мечтал учиться,
Был молод. Да куда уж нам:
И под рукой была столица,
Да недоступна деревням.
Что я? Невелика потеря.
Зато в семнадцатом – матрос.
Чтобы для вас открылись двери,
Нам Зимний штурмовать пришлось.
Вот время, внучек: всех учёных,
Считай, что носим на руках.
Затмит Оксфорды и Сорбонны
Дворец на Ленинских горах!
А как учился Ломоносов?
Как нищий. Вот тебе и на!.. –
Старик придвинул папиросы, –
Пойдём, покурим у окна…

Чем ощутимее столица,
Чем ближе милая Москва,
Тем строже дух, яснее лица,
Теплей и ласковей слова.
Обдаст ветрами электричка,
Последний столб… И вот сейчас…
Благословенная привычка –
Быть вновь в Москве, как в первый раз!

Сверять с Москвою ритм движенья,
На «а» стараться говорить.
И вновь в немом благоговенье
По шумным улицам ходить.

Метро. Билет из автомата.
Перил коснуться невзначай
И плыть по лестнице куда-то
С небрежным видом москвича.

И в пять минут с людьми сживаясь,
Идти, куда они идут.
В метро, в троллейбусе, в трамвае
Читать газеты на ходу.

Дымить московской папиросой,
И, уловив маршрутов связь,
Без размышлений и расспросов
На площадь Красную попасть.

И тут, соседа взяв за локоть,
Глядеть и думать не дыша,
И вдруг, не выдержав, заокать:
– Москва! Ох, как ты хороша!..

7

По аллее, по Тверскому,
Курсом на Арбат,
Шёл парнишка, нам знакомый,
От мешка горбат.

Шёл и чувствовал смущённо,
Как ему вослед
Смотрит к солнцу обращённый
Бронзовый поэт.

Перекрёсток. Стоп машины!
Вновь, восторг вселя,
Слева вспыхнули рубины
Близкого Кремля…

8

Уходя своей славой к векам,
Над полями, над облаками
Поднимался дворец-великан,
Опоясанный этажами.

Прямо к солнцу – грудастый фронтон.
В воздух подняты, пуха легче,
Двести сорок кирпичных тонн,
Кранам взваленные на плечи.

Визг и грохот – на все лады.
Прилипают щитами маркими

Керамические пуды,
Как простые почтовые марки.

В небе вспыхнули две звезды,
Рядом – звёзды электросварки.

9

Не мечта желанная,
А реальный рай.
Мраморная ванная,
Хочешь – полезай.
Может, душ угодно –
Становись!
И водой холодной
Окатись.
Полочка дубовая,
Стопка книг.
Надо книгу новую –
Будет вмиг.
Аккуратный столик,
Лампа, абажур.
Выспался, – тем более
Посижу.
Мягкий коврик,
Белая постель.
Неужели вскоре?
Не во сне ль?
Разве жаль стараний

На посту,
Если с этим зданьем
Сам расту.
Я пришёл в столицу
Строить дом
Выстрою –
учиться
Буду в нём.

. . . . . .

23

Здесь валит с ног и слабый ветер.
Все двадцать лет своих отдашь
За этот, сверстника столетья,
Двадцатый солнечный этаж.
Мечтам и чувствам нет предела:
Весь мир отсюда на глазах.
У паренька земное дело,
А жизнь проходит в небесах.
И словно вырастают крылья,
Как будто вся земля – твоя.
И, как из рога изобилья,
В железо плещется струя.
И видит сварщик удивлённо
Сквозь синь небесного стекла,
Как шов косою заплетённой
Ложится плотно вдоль угла.
А день не жаркий и не яркий,
А сам пружинишь на ремнях,
И инструмент электросварки –

Волшебной палочкой в руках.
Отсюда всё, как на ладони:
Пруды, и Пресня, и Фили,
И облачко на небосклоне,
И седовласый Кремль вдали.
Москва, Москва! Так ярко светят
Твои кремлёвские лучи,
Что где б мы ни жили на свете,
Мы все душою москвичи.
У каждой нации – столица;
Но только нам одним дано
Печалиться и веселиться
И жить с тобою заодно.
А ты растёшь, звеня и строясь,
Шумит на улицах листва.
Москве сегодняшней – по пояс
Стоит вчерашняя Москва.
Вот почему пылают руки,
Хотят работы, равной дням.
Вершины сталинской науки
Идут по Ленинским горам!..
Не закурить ли? Дальним далям
Работа скорая видна.
А вдруг сейчас товарищ Сталин
Тебя заметил из окна!
И Пётр Щеглов, электросварщик,
Забыв о первенстве своём,
Полез по штанге выше, дальше,
Вслед за струящимся огнём…

24

Он поздно лёг – проснулся чуть заря.
С особой силой сердце колотилось.
И, ничего друзьям не говоря,
Полез он в небо по стальным стропилам.
На все четыре стороны смотри!
Но он туда направил глаз орлиный,
Где, переняв сияние зари,
Янтарным светом вспыхнули рубины...

1951 – 1952 годы

ПОСВЯЩЕНИЯ ПОЭТУ

Фёдор СУХОВ

ПАМЯТИ ПОЭТА ВИКТОРА АВДЕЕВА

Когда уходит друг, тот самый друг, с которым
Сидел недавно в комнате одной,
Невольно думаешь, какой нам уготован
Нелёгкий путь под солнцем и луной.
А он, мой друг, он молод был, беспечен,
Он не жалел себя и не берёг,
Поддавшись слабостям обычным, человечьим,
На бездорожье избранных дорог.
Ни чувств своих, ни дум своих не пряча,
Он жаждал славы, радости земной,
Но слава, как заезженная кляча,
Всё обходила где-то стороной.
И вот, как неприятное соседство,
Как жгучая, колючая трава,
О пустоте его больного сердца
Распространилась горькая молва.

Не знали, видно, самого простого,
Что парню непосильно тяжело,
И если сердце было бы пустое,
Оно бы разорваться не могло.

Александр КОЛЕСОВ

О ВИКТОРЕ АВДЕЕВЕ

«Так вот она, желанная Победа! –
и тишина, и дышится легко…
и не на запад, – на восток я еду.
О, если бы домой одним рывком!..»

Открытый ветру, двадцатидвухлетний,
он долго от окна не отходил,
и с губ его срывал улыбку ветер,
и грудь под гимнастёркой холодил.

А дома наступило отрезвленье,
когда увидел мать свою седой…
когда ночами слушал птичьи трели,
а сердце по привычке рвалось в бой…

В дрожащих пальцах гасла папироса,
и, из кармана вытащив блокнот,
он что-то и взволнованно, и броско
писал при лунном свете, сжавши рот.

А время шло. Страна меняла облик,
из пепелищ вставали города.
И видел он: его родная область
успехами сынов была горда.

И он как мог, писал об этом счастье
рабочих рук, вернувшихся к труду,
и от волненья сердце билось чаще
и всхлипами пророчило беду.

И вот однажды, вечером пуржистым,
вошёл он в дом, сжимая грудь рукой,
и крикнув: «Мама!» –
вдруг расстался с жизнью
и, наконец, нашёл себе покой.

Друзья его со скорбью провожали,
и кто-то думал: «Вот сгорел талант…»
А после вышла книжка небольшая.
И книжку раскупали нарасхват.

Александр КОЛЕСОВ

ЖИВУТ ЕГО СТИХОТВОРЕНЬЯ…

«О, возврати им, всемогущий боже,
Последний смех и первую слезу!
Но бога нет, и все разлуки схожи,
И в доме тихо, как зимой в лесу…»

Виктор Авдеев

Жаль, не поверил сердцем в Бога,
с войны вернувшийся поэт:
мать, что он обнял у порога,
о нём молилась столько лет!
На фронт ушёл вчерашний мальчик, –
смотри-ка: с орденом, герой!
Поэт стал видеть мир иначе,
как бы пройдя его «сквозь строй»
по зову Родины любимой,
вложившей волю в сыновей:
«Мужайтесь! Вы непобедимы
с такою силою моей!
Как плети, пули, мины вражьи
исхлещут вас, но не убьют
пылающие души ваши,
что над рейхстагом гордо скажут:
Победа! Гитлеру капут!..»
Оставшийся живым и целым,
уставший от грозы войны,

он рвался сердцем до предела
воспеть геройский труд страны.
Не выдержало напряженья
больное сердце, умер он…
Простил Бог душу за горенье,
живут его стихотворенья,
как вечный Господу поклон.

Николай СИМОНОВ

КАПИТАН РАЗВЕДКИ

В жизни, а не в книжках
Находил сюжет
Сормовский парнишка –
Молодой поэт.

Но смешались карты
Мировой войной…
Близок путь от парты
До передовой.

В матушке-пехоте,
В жизни боевой,
Был ты в разведроте
Парень в доску свой.

Храбреца за смелость
Пуля не берёт…
Вот и отгремелось –
Кончился поход.

Как вы воевали –
Не жалея жил…
Ордена, медали –
Ты их заслужил.

Ты в боях не гнулся,
Были дни лихи…
Вот домой вернулся,
И опять – стихи.

Мог ты словом метким
Покорить весь свет,
Капитан разведки –
Сормовский поэт.

Только жизнь – крутая:
Жил, писал и стих,
Но не умирает
Настоящий стих.

Он пробьётся к людям,
К их сердцам дойдёт.
Верю – книга будет
Радовать народ.

И придёт к нам с нею
Через много лет
Капитан Авдеев –
Сормовский поэт.

Борис АНДРИАНОВ

ДВА ПОЭТА

Поэты возвращаются с войны.
Берут перо – воюют на бумаге
За звёздный час израненной страны
И орденов не просят за отвагу,

За ратный труд, за пролитую кровь,
Смертельный риск до самоотреченья!
Всех орденов весомее любовь,
Медалей краше – слог стихотворенья.

Весной пришёл конец большой войне.
Цветут сады над полем страшной битвы.
Но и в послевоенной тишине
Два воина-романтика убиты.

Авдеев и Люкин, вы в наших снах.
Мы вас не забываем. Вы в нас верьте!
Из кружки оловянной на паях
Поэты пьют и хлеб едят бессмертья.

Маргарита ФИНЮКОВА

ФОТОГРАФИЯ
Май 1945 года

В погонах капитана,
В пилотке со звездой,
Без фальши, без изъяна –
Красивый, молодой.
На ладной гимнастёрке
Медали, ордена…
В Берлине только-только
Окончилась война.
Так явно отчего-то,
Отчётливо видна
На чёрно-белом фото
Очей голубизна.
И не поверишь сразу:
Совсем не богатырь,
Мальчишка ясноглазый –
Разведчик, командир
Без страха, без изъяна…
Но, скрытая от глаз,
Война кровавой раной
На сердце запеклась.
Смертельной раны пламень,
Огонь стихов – в груди,
И десять лет у парня
Всего лишь впереди…

Виктор ГЛЕБОВ

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ ВИКТОРА АВДЕЕВА

Экспромт на болгарский перевод Красимира Георгиева стихотворения Виктора Авдеева «Победой не окупленные потери…»

Ты прожил, тёзка, тридцать два.
Жаль, что забыт и мало жил.
Лишь Красимир нашёл слова
И память нашу освежил!

Уж много тех, кто им открыты,
Поэтов забывать нам грех!
Спасибо, Красимир, за позабытых,
За них я кланяюсь за всех!

Красимир ГЕОРГИЕВ

С ПОБЕДАТА СКРЪБТА НЕ СЕ ИЗКУПВА

С побéдата скръбтá не сé изкýпва –
с побéдата се оправдáва тя́...
И éто, на вратáта клéта чýкам,
къдéто крéтат стáрци в самотá.

О, ти́ върни́ им, всемогъ́шти Бо́же,
смеха́ отне́т, сълза́та пъ́рва дне́с!
Но Бо́г го ня́ма, да теши́ не мо́же,
в дома́ е ти́хо, ся́каш в зи́мен ле́с.

В леса́, къде́то по́лкът ни погре́ба
сина́ им в же́ртвеното зи́мно зло́.
Отно́во сто́ла му пусте́ешт гле́дат
и сни́мка – в че́рна ра́мка, под стъкло́.

Тя ги огря́ва и е пре́сен ла́кът:
в живо́та се́тен спо́мен е краси́в.
...Аз по́сле, тръ́гнал си от тя́х, запла́ках.
Но да запла́чеш, зна́чи, че си жи́в.

Превод от руски език
на български език

Статьи и воспоминания о поэте

Виктор КУЛАГИН

ГВАРДИИ КАПИТАН ВИКТОР АВДЕЕВ

Виктор Иванович Авдеев родился в Сормове в 1923 году. Дом, в котором прошло детство поэта, где зарождался и мужал его талант, стоял в посёлке Варя на улице имени Печати (это возле старой деревянной школы и стадиона «Старт», а затем – на улице Профсоюзной, 5). Здесь он учился, с задором играл в футбол за дворовую команду.

С ранних лет Виктор пристрастился к чтению. Читал много, взахлёб. Из поэзии ему больше всего нравились стихи М. Ю. Лермонтова. Он стал для него самым любимым поэтом на всю жизнь.

В седьмом-восьмом классах Авдеев начал писать стихи сам. По совету учителя русского языка поступил в литературный кружок при Дворце пионеров, руководил которым страстный охотник до собирания молодых дарований Марко Паняш – Павел Петрович Штатнов. Результатом его кропотливой работы с кружковцами стал выпуск в свет сборника «Слово горьковских внучат» с предварительной статьёй Николая Ивановича Ко-

чина. В этом сборнике Виктор Авдеев представлен стихами «Детская железная дорога», «Рассказ моряка» и «Красноармеец-большевик».

Наверное, в тот – 40-й – год и зародилась у него мечта поступить в Литературный институт. Но в июне 1941 года вероломное нападение фашистской Германии перепутало все его планы. Прямо со школьной скамьи восемнадцатилетним парнем он уходит на фронт, оставив дома безутешных родителей. Отец его, Иван Степанович Авдеев, раненный ещё на гражданской войне, в то время работал бухгалтером в одном из отделов машиностроительного завода, мать, добрая и обаятельная Мария Николаевна, хлопотала по дому.

Всю Великую Отечественную войну Виктор Авдеев находился в действующей армии. Прошёл путь от Москвы до Берлина. Под крышу дома своего вернулся заметно возмужавшим, в звании гвардии капитана, удостоенный за ратные подвиги трёх орденов и шести медалей.

С фронта Виктор привёз и множество стихов о войне, массу впечатлений, так что сразу с головой ушёл в работу. В это время поэт принимал горячее участие в местной печати, в работе поэтической секции писательской организации, занимавшей одну из комнат в доме культуры им. Свердлова. В поэтической секции у Виктора Авдеева появилось немало настоящих друзей. Из молодой пишущей братии особенно близки ему были Фёдор

Сухов, Владимир Половинкин, Геннадий Бедняев, Александр Ященко, живущий с ним по соседству и в это же время заявивший о себе как писатель Вадим Рыжаков. Свежие голоса молодых поэтов хорошо влились в хор уже хорошо известных в области певцов Михаила Шестерикова, Бориса Пильника, Александра Зарубина, Константина Поздняева, Фёдора Фоломина и других.

В 1949 году в седьмом номере «Волжского альманаха», органе Горьковского отделения Союза писателей СССР, была напечатана поэма Виктора Авдеева «Сормовичи» и подборка его стихов «Поездка в Болдино». Это было началом признания его, как поэта. В 1951 году Авдеев, вместе с Михаилом Тимониным и Александром Плотниковым, опубликовал в сборнике «О самом дорогом» большую подборку стихов. В это время из-под пера поэта вышел ряд интересных стихов о студенчестве, дружбе и любви. Из любовной лирики мне лично запомнилось проникновенное, до слёз трогательное стихотворение, посвящённое Лиде:

«Я всё ещё девочкой вижу тебя,
По-прежнему глупо и нежно любя…»

А через два года в Горьковском книжном издательстве вышла его первая книга «Волжские зори». Одновременно Виктор приступил к работе над поэмой «Окна на восток». Как-то я поинтересовался, как у него дела. Прихватил ему только что вышедшую на заводе книжечку поэтов, где

были и его нравившиеся многим стихи «Станция Узловая» и «Партийный билет». Вид у него был страшно усталый.

– Привет, гений! Как с поэмой?

А он машет руками.

– Пойми, друг. Я же не Михаил Юрьевич Лермонтов, чтобы серьёзные вещи творить быстро.

Послушать поэму «Окна на восток» мне так и не пришлось. В начале 1953 года он сдал её в «Нижегородскую коммуну» Креславскому. Поэма была подготовлена к печати, набрана, но в обкоме партии была застопорена цензором. Однако Виктор не пал духом. Из-под его пера выходят всё новые и новые стихи, о которых заговорили не только в нашем городе, но и по всей России.

Виктор Авдеев, на первый взгляд, был человеком застенчивым и молчаливым, однако уверенным в себе. Неразговорчив он был потому, что заикался. Когда же дело касалось поэзии, своей точки зрения, он был неуступчив и упрям, как всякий знающий и любящий своё дело.

Русскому читателю хорошо знакомы замечательные стихи поэтов военного поколения – А. Недогонова, С. Гудзенко, М. Дудина и других, созданные во время военного лихолетья и после его окончания. Виктор Авдеев был представителем того же поколения. Мало кому из любителей поэзии, я не говорю уже о поэтах, удалось остаться

равнодушным к его крылатым строкам, не запомнить их:

Победой не окуплены потери –
Победой лишь оправданы они…

Его же перу принадлежит ставшее классическим стихотворение «Моё совершеннолетие» *(«Мне восемнадцать было под Москвой»*). Честность и прямота выражения чувств, поэтическая достоверность придают особую притягательность лучшим фронтовым стихам поэта.

Заметно укрепила его как поэта учёба в Литературном институте имени А.М. Горького, творческое общение с именитыми московскими поэтами Михаилом Лукониным, Николаем Старшиновым, Николаем Глазковым (кстати, ещё один наш земляк) и другими.

Талант поэта не могли не заметить. Вот передо мной книжка стихов знаменитого Ярослава Смелякова с его дарственной надписью: «Виктору Авдееву – в день знакомства, с большой радостью, возникшей после чтения им некоторых стихов, и полный уверенности в том, что знамя русской поэзии он (со временем) будет достойно и крепко держать в своих руках. 1954 год. Я. Смеляков».

Но жизнь распорядилась по-своему. Необременённый семьёй, последние годы своей жизни поэт частенько появлялся в подпитии и в редакции «Леночки», и в Союзе писателей, да и в своём родном посёлке, где его знал чуть ли не каждый.

Пошли нехорошие толки. Одни шептали: «Спивается парень», а те, кто в поэзии едва-едва научился ходить и частенько не без его помощи, злобно хихикали: «Захлебнулся славой!»

Но мало кто знал, кроме его милой матери, как поэт по две-три недели безвылазно работает над рукописью второй книги, не спит по ночам, то и дело хватаясь за сердце.

Вечером 21 января 1955 года Виктор Иванович Авдеев скоропостижно скончался. В 1959 году Горьковское книжное издательство выпустило посмертный сборник стихов Виктора Авдеева «Капля мёду», в который вошли его лучшие стихи последних лет.

К сожалению, поэт не успел завершить роман «Золотые прииски», не закончил работу над пьесой «Мятежники», поэмой «Окна на восток» и многочисленными стихами, которые уже много лет в пыльном архиве ждут своего звёздного часа, пытливого исследователя всего творчества поэта.

1993 год

Александр КОЛЕСОВ

В РАСЦВЕТЕ ТАЛАНТА

«Страдать! Бороться! Жить! Хотеть!»
Виктор Авдеев

В начале 1959 года в книжных магазинах города Горького появилась голубенькая книжка стихов несколько лет назад скончавшегося сормовского поэта-фронтовика Виктора Ивановича Авдеева. Я увидел её на полке Сормовского «Когиза» и попросил продавца показать книжку. Называлась она просто – «Капля мёду». На обложке изображались кленовые ветки, с которых летели на землю жухлые листья. Раскрыл книжку. С вклеенной в неё фотографии (а их почему-то оказалось сразу две) на меня смотрело молодое открытое, мужественное лицо. Грудь земляка-поэта украшали ордена и медали. Бегло просмотрел «Каплю мёду» и поразился крылатой сжатости строк, их чеканной обработке, искренности и простоте. Какие, трогающие сердце, стихи о войне! Какая любовь к родному городу в небольшом лирическом разделе

«Люблю я город на рассвете»!.. А поэма «Капля мёду»? Она не только о судьбе двух влюблённых – Николая Иншакова и Лены до и после Великой Отечественной войны, но и потом, когда стала возрождаться и крепнуть родная страна, а с нею и наша Горьковская область… Понравившуюся книжку в тот день, 24 июля, купил, не раздумывая, сходу…

В те годы я ходил заниматься в литературную группу при Сормовском ДК, и так получилось, что именно тогда ею руководил А.И. Люкин. Тоже поэт-фронтовик, он был другом Виктора Авдеева и в ответ на мои вопросы кое-что о нём рассказал. Я узнал, как умер Виктор Иванович. В тот пуржистый день они, оба жившие в Сормове, поехали в верхнюю часть города, в Союз писателей, и засиделись там в интересных беседах, до вечера. Виктор Авдеев, видимо, почувствовал боль в груди и заторопился домой, позвав с собой друга, но Александру Люкину было так интересно слушать открытых в своём веке и в своей жизни писателей, что он ответил отказом. Поеду, мол, попозже… Виктор Иванович уехал домой один. Сходу прошёл в свою комнату и упал грудью на кровать… Его родные мирно сидели в большой комнате и играли в шахматы, как вдруг услышали душераздирающее: «Мама!..» Вбежали к сыну, но было уже поздно. Он умер мгновенно. Не выдер-

жало сердце воина, прошедшего с боями всю войну – от Москвы и до Берлина…

О своём знакомстве и дружбе с В.И. Авдеевым поведал мне тоже участник Великой Отечественной, младший его товарищ – Михаил Марычев. Работая корреспондентом в газете «Рабочая жизнь» на авиационном заводе, я, естественно, был и членом местной литгруппы. Михаил Марычев на авиационном трудился в одном из цехов и изредка тоже приходил к нам на занятия. «Виктор Авдеев,– свидетельствовал он, – был настоящим другом, готовым поделиться с тобой всем необходимым, хоть рубашку с себя отдать…»

Очень жалею, что не застал живым этого замечательного человека, отважного воина, Высоко одарённого поэта, ушедшего из жизни в самом расцвете своего таланта.

Михаил ШЕСТЕРИКОВ

ПАМЯТЬ О ПОЭТЕ

В расцвете творческих сил умер Виктор Иванович Авдеев. Это был поэт большой одарённости и разносторонности.

Издав в 1953 году книгу стихов «Волжские зори», он подготавливал к печати второй сборник стихотворных произведений. Одновременно работал над пьесами и романом.

Тяга Виктора Авдеева к драматургическим и эпическим жанрам объясняется, в первую очередь, тем, что он прожил хоть и короткую, но богатую событиями жизнь. Юношей он пошёл в ряды действующей армии и всю Великую Отечественную войну сражался на фронте.

В известном своём стихотворении «Моё совершеннолетие» он правдиво, с солдатской суровостью описывает четыре года военной страды. Это стихотворение заключается сильной строфой, которую я позволю себе выписать целиком:

Мне было под Берлином двадцать два.
Победой шелестели дни апреля,
В последний раз под лезвием шрапнели
Подрезанная падала листва,
Брели понуро немцы по панели,
Приподнялась над бруствером трава,
И мы к параду чистили шинели…
Мне было под Берлином двадцать два.

Вполне естественно, что тема войны, тема великого подвига советского народа в стихах поэта, непосредственного участника этого подвига – занимала очень важное место. Но она не могла целиком вместиться в стихотворные строки, она требовала больших полотен, широкой эпической кисти. И поэт переходил на прозу, писал драму…

К сожалению, он не успел завершить роман «Золотые прииски», не закончил работы над другими произведениями. Лучшими его творениями остаются стихи и поэмы.

В послевоенные годы поэт зорко следил за всем, что происходило в жизни нашей страны. Он создал поэму о сормовичах, писал о строителях Горьковской ГЭС, о Сталинграде, о Волго-Донском канале, о нашем студенчестве, о школьниках, всё чаще обращался к любовной лирике.

Последним его произведением была поэма «Капля мёду». В ней поэт стремился показать на широком фоне войны и послевоенного времени

судьбу молодых людей, любящих друг друга, но разлучённых великой битвой.

Виктор Авдеев не считал свою поэму законченной и продолжал работать над ней.

Однако и в том виде, в каком это лироэпическое произведение осталось, оно свидетельствует о дальнейшем творческом росте поэта, о его внимании к психологии людей, об умении правдиво описывать душевные движения героев. Своеобразной является и стихотворная форма поэмы, её ритмика и рифменная оснастка.

Посмертный сборник стихов Виктора Ивановича Авдеева будет служить памятью о безвременно сошедшем в могилу поэте, не успевшем полностью раскрыть своё мужественное и богатое дарование.

Михаил ШЕВЧЕНКО

ИНСТИТУТСКИЙ ГЕНИЙ

1953-й год. Литературный институт имени А.М. Горького готовился отметить своё двадцатилетие. Как-то в конференц-зале директор института П.С. Фатеев беседовал об этой дате со студентами. И тут, обращаясь к нему, один пятикурсник сказал:

– Петр Степанович, двадцать лет существует институт, а гения выпускает первого, – и студент показал рукой на самого себя.

Перед директором стоял Виктор Авдеев, который, как говорится, уже достал его своими выпивками и приключениями после них. Воспитательные беседы с Виктором ничего не давали. Но и подписать приказ об исключении из института у Петра Степановича не поднималась рука.

Виктор Авдеев был участником Великой Отечественной войны, закончил её офицером. В институт пришёл сразу на третий, кажется, курс – перевёлся из другого гуманитарного вуза. Выпивки продолжались, тем более что жили мы, студенты, вдали от административного взгляда, в Пе-

ределкино, в дачах писательского городка, предоставленных нам А.А. Фадеевым под общежитие. В городке был тогда знаменитый шалман – Никишкин-холл, где частенько утоляли жажду и литературные знаменитости, и мы, студенты.

Об Авдееве ребята между собой говорили, что де у него мания гениальности. Но, по чести говоря, кто из нас приходил в институт не гениальным. Другое дело, что из института выходили – талантливыми начинающими… Нередко из поэтов становились прозаиками, а чаще – критиками. Критиковать-то легче… Студенческий язык называл их евнухами: они знают – как, но сами не могут…

А Виктор Авдеев был чертовски талантлив!..

Сколько тогда писалось стихов о вожде!.. А вдруг открываешь журнал «Смена» – Виктор Авдеев. «Товарищу Сталину». И строчки врезаются в память:

Отец подарил мне счастливое детство,
Учитель поведал мне тайны наук,
Я с другом не знаю ни страха, ни бедствий,
А Вы – и отец, и учитель, и друг!..

Или Виктор читает на вечере поэзии:

Скромные родители решили
Маленькое справить торжество.
Разве мог подумать Джугашвили,
Что родился Сталин у него?..

Такие стихи пишутся не по заказу, хотя, создавая их, Виктор мечтал о Сталинской премии...

Самые сильные стихи Виктора я слушал в своей комнате, в общежитии, когда он приходил – а это было часто – занять денег. Иногда я медлил откликнуться на его просьбу, и он говорил:

– Ну, ладно, дай… за уважение – хочешь, я почитаю тебе гениальные стихи?

И читал...

Полвека прошло с тех пор, а я помню многие из них. Бывало, что вместо «гениальные» он говорил: «Хочешь, я прочту хрестоматийные стихи?» И как тут было не откликнуться на его просьбу?..

А он – дьявол! – читал действительно отличные – хрестоматийные – стихи! И читал хорошо. Как правило, они были автобиографичные. И для него, и для его поколения. Одно из таких стихотворений – «Моё совершеннолетие». Это великая биография целого поколения. Виктор, по моей просьбе, читал стихотворение несколько раз, и я всегда вспоминал своего двоюродного брата Ваню, который 23 июня 1941 года ушёл в военкомат с выпускного школьного вечера… и прошёл все круги военного ада...

Как-то появился и прямо с порога:

– Послушай хрестоматийное!.. – И, чуть приподняв голову, стал читать. Это было стихотворение «В Веймаре» – о городе, где стоит памятник двум великим немцам. Он как бы предви-

дел солженицынский «Пир победителей» и отвечал ему…

Виктор замолчал. Вскинув голову и прищурив глаза, как будто перед ним был тот памятник, он удивительно походил на Шаляпина, великого нижегородца. Потом – в своём духе:

– Ну, скажи, что не гениально!.. А?.. А хочешь, лирическое?..

Я сердцем хорошею,
Едва припомню вновь
И родинку на шее,
И выгнутую бровь...

И правда, передо мной стоял человек с хорошим сердцем. Оно ещё хранило мальчишество с волжского берега, оборванное войной.

– Кому посвящены стихи, Витя?

– Между нами?

– Конечно.

– Юле Друниной...

Через много лет, когда мы с Юлей работали в секретариате Союза писателей РСФСР, я рассказал ей об этом эпизоде. Она улыбнулась прекрасной своей – как в студенчестве – улыбкой и ответила:

– Тогда рядом со мной было хорошее сердце Коли Старшинова...

В пору студенчества они ещё были мужем и женой...

Однажды Виктор зашёл за очередной пятеркой и увидел на стене портретик Лермонтова.

– Ты что? – спросил он, нахмурившись. – Тоже любишь его?..

– А что? Нельзя?

Он коснулся рукой портрета и прочитал стихи, которые заканчивались так:

Поручиков на свете было много,
А Лермонтов – на всей земле – один.

И снова повернулся ко мне:

– Ты-ы… смотри-и…

Гм… Гений ревновал к гению… «Смотри-и-и…»

Диплом Виктор Авдеев защитил блестяще. Единственная при жизни книжка вышла у него в год смерти Сталина. Вождю в ней было посвящено немало строк. Но они уступали тем, которые я уже вспоминал. Рядом были хорошие стихи о Волге, о Ломоносове…

Помню стихотворение, посвящённое однокурснику Виктора, азербайджанскому поэту Наби Бабаеву (ныне Наби Хазри):

Ты приехал в Москву из Баку,
Полон солнца и воздуха горного.
Я оставил родную реку:
Я потомок рабочих, из Сормова.
Рвётся в форточку ветреный вихрь,
Словно шепчет: «Навеки запомните
Этот стол и окно на двоих
В вашей скромной студенческой комнате...»

Разве прочная дружба не там,
Где друг другу потачки не делая,
Нами делится всё пополам,
Но сердца – как единое целое?

* * *

Да, сердца наши были единым целым…

И теперь потрясает то, что вдруг становимся врагами, чужеродными людьми…

Невольно подумаешь: хорошо, что Виктор не дожил до этих тяжких времён…

После окончания института Виктор Авдеев уехал в Горький. Год-полтора спустя, летом, кажется, взяв «Литгазету», я прочёл в чьём-то очерке о Нижегородчине, что Виктор Авдеев умер: инфаркт…

На нашем курсе учился другой нижегородец – Фёдор Сухов. Виктор и Фёдор – поэты разные. В быту поддразнивали друг друга. Но и цену себе знали.

На смерть Виктора Авдеева Фёдор Сухов откликнулся стихами – «Памяти поэта Виктора Авдеева».

Фотографии и документы

Виктор Авдеев . 1945 год.

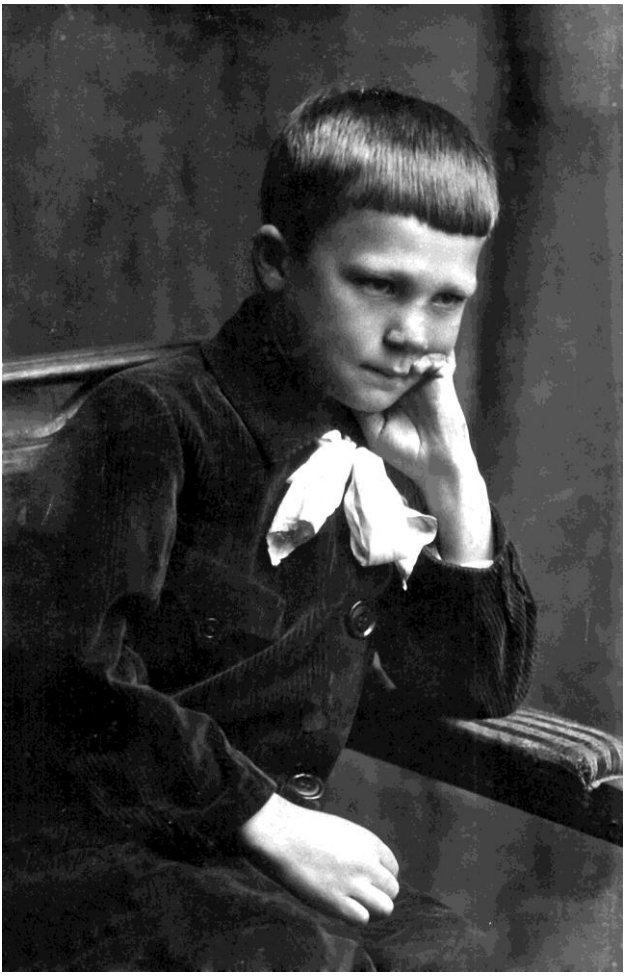
Предки поэта по линии отца. В центре – прадед и прабабушка, справа (предположительно) – родители Ивана Степановича Авдеева, родившегося в 1898 году. Рубеж XIX и XX веков.

Мария Николаевна Авдеева (Березина). 1920-е годы.

Иван Степанович Авдеев. 1920-е годы.

И.С. Авдеев с коллегами по работе
в бухгалтерии Горьковского машзавода.
1930-е годы.

Слева – родной дом Виктора Авдеева на улице
Профсоюзной, 5. На переднем плане – Коля Горелов,
племянник поэта. Начало 1960-х годов.
Справа – современная улица Коминтерна, 16.
На этом месте стоял дом Авдеевых.



Витя Авдеев. Конец 1920-х годов.

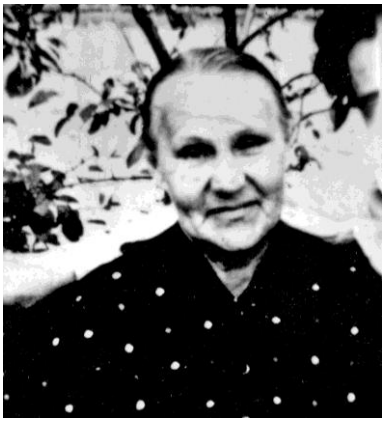
Школа № 67, которую Виктор Авдеев окончил в 1941 году. В настоящее время находится на территории Московского района.

Эти лестницы помнят будущего поэта школьником.

Выпуск школы № 67. 1941 год.
Виктор Авдеев – четвёртый слева в верхнем ряду.

Виктор Авдеев с однополчанкой. 1945 год.

В. Авдеев среди друзей-фронтовиков (справа в верхнем ряду). 1945 год.



Мария Николаевна Авдеева
в саду у своего дома. 1970-е годы.

М.Н. Авдеева с Колей Гореловым
и соседями по Профсоюзной улице.
Дом Авдеевых – средний,
в три окна. 1960-е годы.

В. Авдеев в студенческие годы.

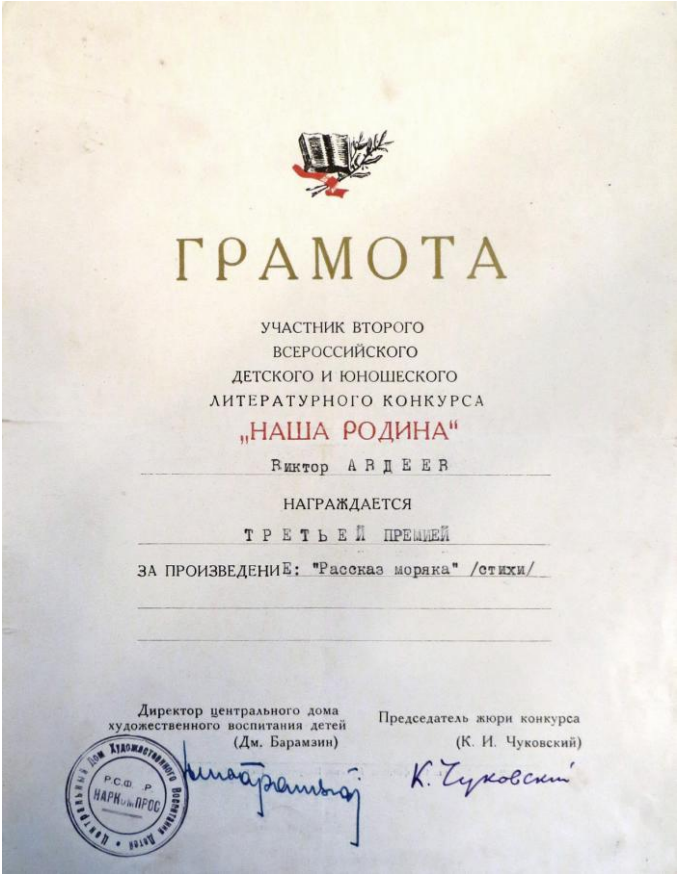
Участники областного совещания молодых писателей и поэтов. Слева направо: Н.М. Теленков (Вача), Ю.Ф. Шальнов (г. Горький), В.А. Крылова (Городец), А.И. Плотников (Арзамас), В.И. Авдеев (г. Горький) и А.И. Цветнов (Ташино). Фото Н. Капелюша. Опубликовано в газете «Горьковская коммуна» (5 октября 1947 года).

Похороны И.С. Авдеева. У гроба – Мария Николаевна с племянником. Январь 1956 года.

Похороны М.Н. Авдеевой. 1974 год

Поэт Виктор Кулагин с родственниками Виктора Авдеева. 1990-е годы

Руководитель ЛИТО «Волга» Николай Симонов на могиле Виктора Авдеева. Старосормовское кладбище, май 2015 года.



ГРАМОТА

УЧАСТНИК ВТОРОГО
ВСЕРОССИЙСКОГО
ДЕТСКОГО И ЮНОШЕСКОГО
ЛИТЕРАТУРНОГО КОНКУРСА
„НАША РОДИНА“

Виктор АВДЕЕВ

НАГРАЖДАЕТСЯ

ТРЕТЬЕЙ ПРЕМИЕЙ

ЗА ПРОИЗВЕДЕНИЕ: "Рассказ моряка" /стихи/

Директор центрального дома
художественного воспитания детей
(Дм. Барамзин)

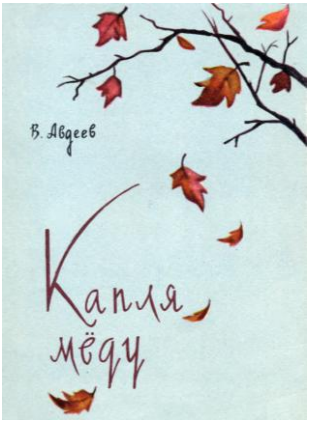
Председатель жюри конкурса
(К. И. Чуковский)

Этой грамотой был награждён горьковский школьник Виктор Авдеев, ставший одним из победителей Всероссийского детского и юношеского литературного конкурса «Наша Родина».

1940 год

1951 год

1953 год



1959 год

Коллективные сборники и книги стихов Виктора Авдеева.

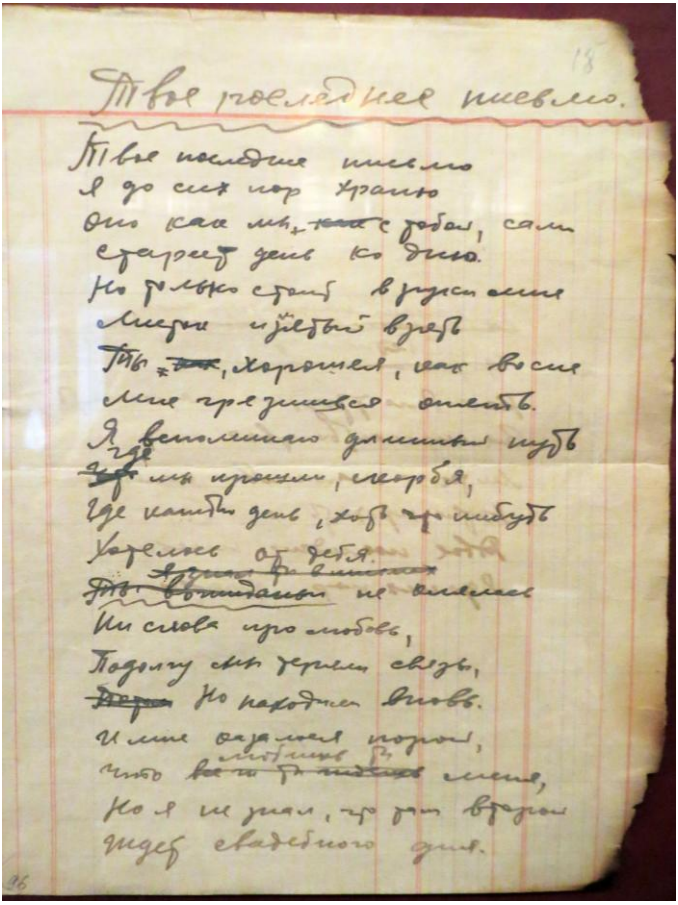
Капитану Авдееву
Виктору Ивановичу

Приказом Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза т.СТАЛИНА от 2 Мая 1945 года № 357 за отличные боевые действия в боях по окружению и ликвидации группы немецких войск юго-восточнее БЕРЛИНА всему личному составу нашего соединения, в том числе и Вам, принимавшему участие в боях, -

ОБЪЯВЛЕНА БЛАГОДАРНОСТЬ.

Начальник штаба в/части 4117
полковник (ВОЛЧИНСКИЙ)

Благодарность капитану Авдееву от 2 мая 1945 года – «за отличные боевые действия в боях по окружению и ликвидации группы немецких войск юго-восточнее Берлина».



18

Твое последнее письмо.

Твое последнее письмо
Я до сих пор храню
Оно как мы, ~~как~~ с тобой, сами
стареет день ко дню.
Но только стоит в руки мне
Листок измятый взять
Ты ~~как~~, хорошея, как во сне
Мне грезишься опять.
Я вспоминаю длинный путь
~~Где~~ где мы прошли, скорбя,
Где каждый день, хоть что нибудь
Хотелось от тебя.
~~Я знал ты в письмах~~
~~Ты выпиданы~~ не оглялась
Ни слова про любовь,
Подолгу мы теряли связь,
~~Потом~~ Но находили вновь.
И мне казалось порой,
Что ~~все ты ты ждешь~~ любишь ты меня,
Но я не знал, что там второй
Ждет свадебного дня.

Автограф стихотворения В. Авдеева «Твоё последнее письмо».

ДИПЛОМ

Д № 039500

Предъявитель сего тов. Авдеев Виктор Иванович в 1950 г. поступил и в 1952 г. окончил полный курс Литературного института им. А.М. Горького при Союзе Советских Писателей СССР по специальности литературная работа и решением Государственной Экзаменационной Комиссии от 26 Июня 1952 г. ему присвоена квалификация — литературный работник.

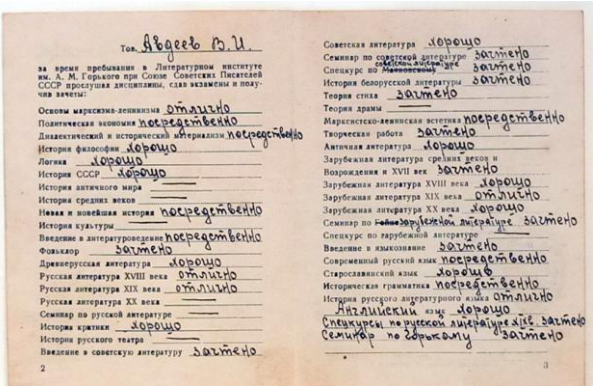
Государственный Экзаменационный Комиссии

Секретарь Королькова.

Город Москва 27 Июня 1952 г.

Регистрационный № 98

Диплом В.И. Авдеева об окончании Литературного института им. А.М. Горького при Союзе Советских Писателей СССР.



Тов. Авдеев В.И.

за время пребывания в Литературном институте им. А. М. Горького при Союзе Советских Писателей СССР прослушал дисциплины, сдав экзамены и получив зачеты:

Основы марксизма-ленинизма отлично
Политическая экономия посредственно
Диалектический и исторический материализм посредственно
История философии хорошо
Логика хорошо
История СССР хорошо
История античного мира —
История средних веков —
Новая и новейшая история посредственно
История культуры —
Введение в литературоведение посредственно
Фольклор зачтено
Древнерусская литература хорошо
Русская литература XVIII века отлично
Русская литература XIX века отлично
Русская литература XX века —
Семинар по русской литературе —
История критики хорошо
История русского театра —
Введение в советскую литературу зачтено

2

Советская литература хорошо
Семинар по советской литературе зачтено
Спецкурс по ~~Маяковскому~~ советской литературе зачтено
История белорусской литературы зачтено
Теория стиха зачтено
Теория драмы —
Марксистско-ленинская эстетика посредственно
Творческая работа зачтено
Античная литература хорошо
Зарубежная литература средних веков и Возрождения и XVII век зачтено
Зарубежная литература XVIII века хорошо
Зарубежная литература XIX века отлично
Зарубежная литература XX века хорошо
Семинар по ~~Гейне~~ зарубежной литературе зачтено
Спецкурс по зарубежной литературе —
Введение в языкознание зачтено
Современный русский язык посредственно
Старославянский язык хорошо
Историческая грамматика посредственно
История русского литературного языка отлично
Английский язык хорошо
Спецкурсы по русской литературе XIX в. зачтено
Семинар по Горькому зачтено

3

Выписка из зачётной ведомости Виктора Авдеева за время учебы в Литературном институте.

тивного клуба «Аль-Мазраа» Никола Мав-
джалани.

Рукописи поэта-сормовича

Комиссия, созданная горьковским отделением Союза советских писателей, провела просмотр рукописей поэта-сормовича В. Авдеева.

Менее чем за десять лет после возвращения с войны поэт написал большое количество произведений. Среди них два романа: «Золотые прииски» в прозе и «Геннадий Дубровин» в стихах, пять пьес: «Окна на восток», «Мятежники», «После свадьбы», «Хочется говорить стихами» и «В родном институте».

Из пятнадцати поэм обращают на себя внимание—«Красная площадь», «Горьковское море», «Двадцатый этаж», «Про нашу советскую жизнь», «Про Соню-соню и Мишку-торопыжку» для детей и другие. Обнаружено особенно много рукописей лирических стихотворений.

Большинство перечисленных произведений не было опубликовано. Все рукописи В. Авдеева, по желанию его родителей, приняты на хранение в Литературный музей А. М. Горького. Для подготовки к изданию в 1956 году посмертной книги произведений В. Авдеева создана редакторская группа.

Школа ФЗО № 1 же
Главного управления трудовых резерв

Заметка в газете «Горьковская правда» (28 июля 1955 года), свидетельствующая о литературном наследии поэта.

СОДЕРЖАНИЕ

Николай Симонов. Самый сормовский поэт.
Слово о Викторе Авдееве 5

МНЕ ВОСЕМНАДЦАТЬ
БЫЛО ПОД МОСКВОЙ

Моё совершеннолетие 14
Две могилы 16
Гарбары 18
Победа 22
«На коже стёршихся сапог…» 23
«Мать подоила корову…». 24
Вечерняя поверка 25
Воспоминание 26
Звёзды 28
Двадцатилетним 29
В цехе военного времени 30
«Не думал парень стать героем…» 31
Подняв победные знамёна 32
«Победой не окуплены потери…» 33
На плацдарме 34
Другу 35
Девушка с цветами 36
«Солдат пять раз ходил в штыки…» 37

ВОЛЖСКИЕ ЗОРИ

Волга 40
Волжские зори 41
«Сколько брошено в Волгу камней…» 42
Наш дом 43
Когда я был на Волго-Доне 45
27 июля 1952 года 46
Баллада о волжской воде 47
Песня волжанки 48
Капитан 49
Песня о городе Горьком 51
Огни родного города 52
Утро 53
На Волжском откосе 54
В.П. Чкалову 55
Город в январе 56
Сормово 57
Моя родословная 60
Сормович 62
Молодёжь и ветераны 63

ГЛАВНЫЙ МЕРИДИАН

Красная площадь 66
Сталинград 67
Главный меридиан 68
Утро нашей Родины 69
На параде 70
Не видя Родины 71

«В книге сказано: «Чуден Днепр при тихой погоде»…» 72
Навеки вместе 73
Родина 74

Первая публикация

Красноармеец-большевик 75
Рассказ моряка 76
Детская железная дорога 77

ЛЮБВИ МОЕЙ ЧУДЕСНАЯ БЕДА

«Сердце бьётся так часто…» 80
«С покоем и радостью в ссоре…» 81
«Она предел моих желаний…» 81
«Я сдуваю лёгкую пушинку…» 82
«Я всё ещё девочкой вижу тебя…» 82
«Я сердцем хорошею…» 83
«За окном неровно дышит вьюга…» 84
«Что же не спросишь ты…» 85
«Ты любила меня…» 85
«Ей в ноги пасть? Просить прощенья?..» 86
Любить – ещё не значит быть любимым 87
Твоё последнее письмо 91
«По Орловской земле от верховьев Оки…» 92
Прощание 93
«Под горою улица кончается…» 94
«Сквозь утихающую вьюгу…» 95
Весеннее 96
«Когда-нибудь легко меня покинет…» 97

ЗАЧЁТНАЯ КНИЖКА

Поездка в Болдино 100
Лермонтов 104
Уход Толстого 105
Шумят вишнёвые сады 107
Набат сердца 108
Прощание с Нижним 109
А.М. Горькому 110
Глашатай всемирной весны 111
Сердце, пронесённое сквозь пули 112
В Веймаре 114
Дружба 116
Зачётная книжка 117
В аудитории 118
На пороге 120
Племяннику-первокласснику 121
Учителю 122
Портрет поэта 123

ПЯТЬ ПОЭМ

Сормовичи 126
Новая Гвинея 157
Капля мёду 186
Я здесь любил 221
Двадцатый этаж 226

ПОСВЯЩЕНИЯ ПОЭТУ

Фёдор Сухов. Памяти Виктора Авдеева 243
Александр Колесов. О Викторе Авдееве 244
Александр Колесов. Живут его стихотворенья 246
Николай Симонов. Капитан разведки 247
Борис Андрианов. Два поэта 249
Маргарита Финюкова. Фотография 250
Виктор Глебов. Светлой памяти Виктора Авдеева 251
Красимир Георгиев. «С победата скръбта не се изкупва...» 251

СТАТЬИ И ВОСПОМИНАНИЯ О ПОЭТЕ

Виктор Кулагин. Гвардии капитан Виктор Авдеев 254
Александр Колесов. В расцвете таланта 260
Михаил Шестериков. Память о поэте 263
Михаил Шевченко. Институтский гений 266

ФОТОГРАФИИ И ДОКУМЕНТЫ 273

Виктор Иванович Авдеев

Я потомок рабочих, из Сормова

Составитель *Маргарита Финюкова*
Редактор *Николай Симонов*

В оформлении обложки использована репродукция картины *Николая Майорова* «В Сормовском затоне».

Фото из архива
МБУК «Государственный ордена Почёта музей А. М. Горького»
и личного архива *Н.Г. Горелова*

В стихах, предоставленных МБУК «Государственный ордена Почёта музей А.М. Горького», сохранена орфография автора.

В оформлении разделов книги использованы рисунки М.С. Виденского

Отпечатано в типографии АО «Завод «Красное Сормово»
Тираж 300 экз.